

АЛЁНА ЧЕРНИЧНАЯ

МАЛЕНЬКИЙ СЕКРЕТ

хорошей девочки

Алёна Черничная

**Маленький секрет
хорошей девочки**

«Автор»

2023

Алёна Черничная

Маленький секрет хорошей девочки / Алёна Черничная —
«Автор», 2023

Я забеременела в восемнадцать. В мои планы это не входило, как и в планы отца ребенка. Андрей Никольский, сын известной четы врачей Никольских, а я девочка из детского дома. Такая невестка им была не нужна. И еще неродившийся внук или внучка тоже. Андрей без раздумий отправил меня на аборт, и его мать помогла это устроить. А я сбежала, решив рожать. Вычеркнула из своей жизни все, что связано с этой семейкой. Но все изменилось, когда мой сын неожиданно оказался единственным наследником семьи Никольских...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 4	14
Глава 5	18
Глава 6	23
Глава 7	29
Глава 8	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Алёна Черничная

Маленький секрет хорошей девочки

Глава 1

Лера

Стою, опершись ладонями на раковину, и пытаюсь дышать ровно. Но почему-то страха нет. Только пустота и растерянность заполняют мою голову. Мне даже хочется усмехнуться и сказать, что я так и знала. Ещё этот сон, где в прозрачной реке я ловлю руками рыбу.

Я действительно на протяжении нескольких прошедших дней как чувствовала. Моя интуиция нащёптывала. Я старательно не прислушивалась к внутреннему голосу, игнорировала. Искала сотни других причин, чтобы не думать об этом.

Но моё сердце сейчас всё равно бешено колотится. Бьётся в рёбра, пуская неприятную дрожь по телу. Одно дело догадываться, другое – знать и видеть собственными глазами.

– Лерка, совесть имей! Мне на работу! Выползай! – От резкого стука в дверь ванной я подпрыгиваю на месте.

Выключив воду, бесполезно льющуюся в раковину, поднимаю взгляд на своё отражение в зеркале. Стою всё ещё в домашнем халате, бледная, с тёмными кругами под глазами... Ещё бы. Я практически не спала всю ночь, ожидая этого утра. Можно было бы сделать это и вечером, но так всё-таки надёжнее.

– Лера-а! – вопит за дверью моя сестра.

– Да иду я, иду, – ору ей в ответ, принимаясь наспех красить ресницы тушью.

Провожу по ним пару раз пушистой кисточкой, а волосы небрежными волнами расправляю по плечам.

Но, прежде чем освободить ванную, на всякий случай проверяю, хорошо ли закрыта моя косметичка с гигиеническими принадлежностями. Мне пока не хочется отвечать на чьи-либо неудобные вопросы, даже если их задаст моя сестра Вика.

Цепляю на лицо непринуждённую улыбку и отдёргиваю щеколду на двери.

В забавной пижаме в цветочек, с кулём тёмно-русых волос на макушке, сестер прямо-таки вваливается в крошечный полутораметровый санузел.

– Наконец-то! Ты хоть вспоминай иногда, что наша квартира – не хоромы твоего мажорчика. У нас всего одна ванная, – недовольно бухтит она, но всё равно целует меня в щёку. – Доброе утро!

– Доброе, – натянуто улыбаюсь я.

Вика скрывается в ванной, и уже оттуда я слышу её возглас:

– Кстати, завтрак на столе. С тебя чистая посуда.

– Хорошо, – вздыхаю себе под нос.

Меньше всего мне сейчас хочется есть, но всё равно плетусь на кухню, где уже заботливо разлит чай по кружкам и нарезаны бутерброды с самым дешёвым сыром «Дружба». Негусто, но мы с сестрой особо не шикуем.

Привыкли жить скромно в нашей съёмной хрущёвской двушке в тихом спальном районе города. Да, это действительно не хоромы, но гораздо лучше, чем те условия, в которых я и Вика выросли в детском доме.

И попали мы туда не от хорошей жизни. Спившейся матери-алкоголичке ни я, ни сестра не были нужны с самого рождения. А про отца мы и вовсе не слышали. Вике было четыре, а мне три года, когда мать лишили родительских прав, а меня и сестру отправили в детский дом. Это заставило нас держаться друг за друга зубами. И мы держимся до сих пор.

Усаживаюсь за стол на своё место у окошка. Обнимаю подрагивающими пальцами горячую кружку с чаем, но чувствую себя в какой-то прострации. Пытаюсь поймать в голове хоть одну чёткую и осознанную мысль. Наверное, стоит задать самой себе вопрос ещё раз: что теперь делать?

Вчера бы я ещё ответила: точно идти на пары, не забыть сдать доклад по психологии и обязательно узнать, что там с моей конкурсной работой по английскому языку. А сейчас? Сейчас эти ответы уже не подходят к моим вопросам.

– Ау, Лер! – У меня перед носом раздаются щелчки пальцев.

– Что? – виновато поднимаю взгляд на сестру.

Я так нырнула в свои мысли, что даже не услышала, как она вышла из ванной.

– Ты в этой вселенной-то? – Вика плюхается напротив меня. Хватает с тарелки бутерброд и сразу же с аппетитом вонзается в него зубами. – Сколько у тебя сегодня пар? Девчонки вроде взяли билеты в кино на пять вечера, – спрашивает сестра с набитым ртом, не утруждая себя прожёвыванием завтрака до конца.

Чёрт! Кино с девочками! Вопрос Вики становится едким уколом вины. Эти планы совершенно вылетели из моей головы, как только я заперлась сегодня утром в ванной.

– Вик, прости, но сегодня я к Андрею. Мне надо, – сухо проговариваю я и стараюсь не смотреть сестре в глаза.

Мы ведь и правда давно договаривались, но тогда я и предположить не могла, как полярно могут развернуться все мои планы. Даже сам Андрей пока ещё не в курсе, что его планы на сегодня тоже поменяются. Да и не только на сегодня...

Беру бутерброд и осторожно откусываю кусочек, но от нервного напряжения едва ли могу протолкнуть его в себя.

– Опять? – в голосе сестры одна сплошная обида. – Но мы же договаривались, Лер.

– Я знаю, просто...

– Нет, я, конечно, рада за тебя, что отхватила себе в хахали сыночку бизнесмена, – перебивает меня Вика, продолжая свою тираду, – но ты уже совсем отодвинула меня в дальний угол.

– Ты же знаешь, что это не так, – категорично трясую головой. – Я всего лишь...

– Ты всего лишь вспомни, когда последний раз мы проводили время вместе. То ты со своим мажором в ресторан, то на море он тебя возит, то прогулки за шмотками, ночуешь у него чуть ли не каждый день. С Никольским же круче, чем смотреть кино по скидке! – Надув щеки, Вика резко подпрыгивает с места, не доев бутерброд. – Ладно. Сами с девчонками ходим. Я в кафе. У меня сегодня первая смена. Приятного аппетита.

Сестра выскакивает с кухни молниеносно, оставляя меня там один на один со своим чувством вины и внезапно подкатывающей паникой.

Я правда хотела провести этот вечер в компании Вики и девчонок. Но теперь, кажется, всё в моей жизни пойдёт не по плану. И первое, что я никак не планировала, – так это увидеть сегодня утром две яркие полоски теста на беременность.

Глава 2

Лера

– Лера, тебя долго ждать? Заезд начнётся с минуты на минуту, – раздражённый голос Андрея в трубке заставляет меня прибавить шаг.

– Через пару минут буду. – Перескакиваю через лужу и чуть ли не вприпрыжку бегу по узкой улочке между заброшенных зданий.

Хорошо, что сегодня решила надеть джинсы, спортивную рубашку и кеды. В платье и на каблуках на таком минном поле из луж не разгуляешься. После майского ливня здесь хоть на лодке гребь, но пока что это единственное место на районе, о котором не в курсе полиция. На территории давно не работающего завода проводятся гонки. Любители скорости, драйва и запаха жжёной резины собираются здесь несколько раз в неделю.

Первый раз я оказалась в атмосфере гонок в начале сентября. Одногоруппница уболтала составить ей компанию и потусить как-нибудь вечером на одном очень крутом мероприятии. Так я и познакомилась с шикарным брюнетом с глазами самой тьмы. Точнее, сначала поцеловалась, а потом познакомилась.

По правилам гонок победитель дарит поцелуй любой девушке из толпы. И этой счастливицей оказалась я, а наглым, уверенным победителем того заезда – Андрей Никольский.

Я, конечно, заехала ему по смазливому лицу будь здоров за такой фортель, но так просто из моей головы он не вышел. Да и Андрей просто так сдаваться не собирался. На следующий день он как штык стоял уже возле ворот моего института с сумасшедшим букетом алых роз.

А дальше моя жизнь стала напоминать сюжет самой романтической сказки: подарки, свидания, походы в рестораны и клубы, признания... Первый секс и те самые невероятные первые чувства.

И теперь Андрей целует в финале каждой гонки только меня. В скорости и умении чувствовать машину на драйве ему нет равных. Я знаю, Никольский и сегодня придёт на финиш первым, но, помимо поцелуя, мне есть, что ему подарить. Новость, которая будет одной из самых важных и ценных в жизни. Поэтому в нетерпении несусь в сумерках на звуки рёва машин, витающие среди старых переулков.

Выскочив из-за угла, оказываюсь на огромной ровной площадке размером в одно футбольное поле – не меньше! – и досадливо вздыхаю. Чёрт! Немного не успела. Толпа, пацаны и девчонки, уже в напряжении со свистом и ором топчутся у финиша. Мгновение, и белую черту стрелой пересекает знакомый серебристый «мерседес» купе. Спорткар, drifting, делает разворот на сто восемьдесят и резко замирает под визг тормозов и клубы дыма из-под колёс.

Я не сдерживаю улыбку, а моё нутро трепетно сжимается. Мой победитель. И Андрей появляется из машины именно в таком образе. Стоит только его белоснежным найкам ступить на землю, как его окружает братва, наперебой бросая ему рукопожатия.

Правда, с пассажирского места неожиданно выплывает какая-то белокурая краля. Я невольно ускоряю шаг, протыкая взглядом девицу. Он опять за своё?

Меня сразу же замечает и расступается весь мужской кагал, толпящийся рядом с моим Никольским. А он всё ещё лучезарно улыбается. Кажется, его совсем не смущает, что я, сложив руки на груди, хмуро смотрю на него, а потом вопросительно киваю на белобрысую диву. И уже закипаю от возмущения. Что за наглость?! Она решила устроить себе селфи-фотосессию на фоне «мерседеса» Андрея.

– Что? Даже не поцелуешь? Я как бы победил, – недовольно хмыкает Никольский, замечая, как я поджимаю губы.

Он тянет ко мне руки, пытаясь заграбастать в свои объятия, но я уворачиваюсь.

– Андрюш, почему в твоей машине опять катается какая-то баба?

– Почему какая-то? – спокойно пожимает он плечами, обтянутыми чёрной водолазкой. – Это сестра кого-то из пацанов. Попросила покатать. Я и покатал. Что в этом такого? Многим же девчонкам интересно побывать внутри самого дрифта.

– Ты же знаешь, что мне это неприятно, – не скрываю обиду и раздражение в голосе.

Ревную ли я Андрея? Конечно да. За столько месяцев отношений мне иногда приходилось отбиваться от назойливых поклонниц Никольского. Еще бы: он красив, спортивен, при деньгах и машине... Почему он до сих пор со мной – вообще загадка века. Я до сих пор чувствую себя в компании его друзей лишней.

– А ты знаешь, что гонка начинается в восемь. Приходить раньше надо было. Где шаталась-то? – Андрей склоняет голову, с упреком осматривая меня с ног до головы.

Мне отчего-то становится вдвойне обиднее. Под ложечкой противно дёргает. Я ведь летела сюда не просто так, как и опоздала. В моей сумочке лежит положительный анализ крови на ХГЧ. Может, вообще развернуться и уйти?

– Не шаталась, а были дела, – сухо заявляю я, уставившись взглядом в носы своих потрёпанных кед.

Вижу, как к ним приближаются кипенно-белые носы найков. На моей талии тут же оказываются горячие ладони.

– Котёнок, ну какие дела могут быть важнее меня? – хриплая усмешка Андрея теряется в моих волосах. Никольский просто без разговоров притягивает к своей груди. Пальцами обхватывает мой подбородок, приподнимая мне голову. Взгляд тёмно-карих глаз в обрамлении невероятной линии чёрных ресниц быстро превращает меня из сердитой обиженки в растекающуюся лужицу. – Я правда уже соскучился по тебе.

Обезоруженно вздыхаю. Да и не время сейчас, чтобы скандалить. Теперь есть вещи гораздо важнее моего опоздания на гонки, но Андрей пока об этом просто не знает. Тянусь к его родным губам, оставляя на них нежный поцелуй. Никольский расплывается в довольной улыбке.

– Андрей, а мы можем... – несмело начинаю я. Сердце мгновенно замирает от накатившего страха в ожидании предстоящего разговора.

Но толпа собравшихся на территории завода неожиданно опять заполняет её свистом и громкими хлопками. Андрей отрывается от меня, вытягивая шею и всматриваясь в происходящее за моей спиной. И его глаза загораются уже знакомым мне азартом.

– Оп, ещё один заезд. Котёнок, садись. Мы в деле! – Он воинственно расправляет плечи.

А я с улыбкой вздыхаю. Естественно, в деле! Я редко когда пропускаю подобные мероприятия. И Никольский всегда радуется каждой победе как ребёнок.

Ребёнок. Пыл сесть на привычное место пассажира осаживается. Ладонь непроизвольно касается ещё совершенно плоского живота. Теперь нельзя.

– Андрюш, я не сяду, – мой голос неожиданно срывается.

Никольский удивлённо приподнимает брови, а в глазах плещется недоумение.

– В смысле? Ты что, дуешься из-за этой тёлки? Лер, я тебя умоляю. Она просто со мной прокатилась и сторис в тачке сняла.

Отрицательно машу головой, а пульс уже ощутимо бьёт по венам.

– Я не могу.

– Чего не можешь? Не гони. – Андрей уверенно обхватывает меня одной рукой за талию и настойчиво толкает мимо капота к пассажирской двери.

– Андрей, нет! – нервно повышаю я голос. Торможу ногами по асфальту как могу.

Но подкачанному Никольскому мой метр с кепкой в прыжке и вес мешка цемента все равно что песчинка.

– А я хочу кататься с тобой. Садись уже, а то ещё какую-нибудь тёлку вместо тебя возьму. Свято место пусто не бывает, – возмущённо проговаривает Андрей, буквально насильно запи- хивая меня в тачку.

Я лишь на секунду допускаю мысль, что, может, всё-таки мне можно и проехаться один разочек, но мозг и тело врубают инстинкт самосохранения на полную катушку. Перед моими глазами всплывают две яркие полоски утреннего теста. Во мне откуда-то берётся сила, навер- ное, равная силе мышц Никольского. Я вырываюсь из его рук и отшпатываюсь, делая шаг в сто- рону. Тяжело дышу и с опаской взглядываю на Андрея.

– Да что за приколы, Лера? Ты мне истерики сейчас будешь закатывать?

– Мне нельзя, – шепчу одними губами. Боже мой, как же надрывается сердце в груди. Я хотела сказать не так!

– Что тебе нельзя? Почему? – шипит Андрей сквозь зубы.

Я делаю судорожный вдох и такой же выдох...

– Я беременна.

Глава 3

Лера

Сажу на тёплом капоте серебристого «мерседеса». Зажав сложенные ладони между коле- нями, я настороженно поглядываю на Андрея. Сидя рядом, он вертит листок с результатами анализов в руках. Услышав новость, Никольский увёз меня подальше от толпы. Остановил машину в какой-то промзоне и вышел на улицу, хлопнув дверью. Теперь вокруг нас по одну сторону дороги лесопосадка, а по другую – теряющиеся в сумерках очертания зданий.

– Это точно? – напряжённо интересуется Андрей.

– Да, – уверенно подтверждаю я.

И пока совсем не могу понять его реакцию. Любимое лицо ничего не выражает. Словно каждую его мышцу залили бетоном. Я боюсь и подумать, что там таится за родными глазами. Конечно, Андрей шокирован. Эти две полоски не были запланированными, но...

– ...но осечек же никогда не было. – Андрей сосредоточенно сворачивает лист с анали- зами пополам.

– Видимо, не в этот раз, – я зачем-то глупо усмехаюсь.

Но улыбка сползает с лица, стоит только Андрею взглянуть на меня. Сердце с тревогой замирает в груди, потому что в его глазах уже кипит раздражение.

– Ты находишь это, – сложенный вдвое лист появляется перед моим носом, – смешным?

– Но уже так случилось. Надо...

– Надо было тебе подумать лучше о предохранении.

– Мне? – От таких заявлений саднящее чувство в груди расплзается как чёрная клякса. – Нам, Андрей. В постель ложились мы оба. И какое теперь это имеет значение? Нужно понять, что делать дальше.

Хмыкнув, Андрей опирается локтями на свои колени:

– А что здесь думать? Аборт. Мне не нужны проблемы.

Меня словно бьют в самое сердце наотмашь. Лицо Андрея за мгновения становится отчуждённым. Его красивые и правильные черты сковывает напряжение.

– Проблема? Это ребёнок... твой... – сдавленно шепчу я.

– Это проблема, Лера! – Андрей взрывается, подскакивая с капота. – У меня не было такого прикола в планах.

Пытаюсь не дать панике окончательно схватить себя за горло.

– Андрюш, я понимаю. Ты напуган. Я тоже. Но мы же вместе. А вместе можно всё решить. Мы же любим друг друга.

– Лера! – Он маячит перед машиной, нервно запуская ладони в волосы. – Какая любовь на хрен! Мне девятнадцать. Я хочу путешествовать, мне нужно учиться, тусить. Я не хочу возиться с чьими-то обосранными памперсами. Да и ты планировала этим летом на море в лагерь вожатой.

– Я могу обойтись и без лагеря, – произношу тихо.

– А я без ребёнка, – Андрей уже орёт, не прекращая выхаживать туда-сюда. – Мать твою, если мой отец узнает, то мне как. – Замерев, делает шаг, опирается руками по обе стороны от меня на капот и просверливает своими чернеющими глазами. – Аборт, и точка.

Я инстинктивно отшатываюсь от такого заявления.

– Ты хоть понимаешь, на что пытаешься меня уговорить?

– Я пытаюсь тебе мозги вправить. Кому нужен ребёнок в восемнадцать? Только не рассказывай, будто ожидала, что я буду рыдать от радости. Ты же не настолько глупая, Лер.

Отвожу взгляд в сторону. Смотрю за плечо Андрея куда-то в одну точку. В сгущающуюся, пугающую темноту, в такую же, как и в глазах Никольского, которую я видела секунду назад.

Мерзкие мурашки противно ползут по рукам и спине. Мне холодно. Приходится натянуть манжеты рубашки на костяшки пальцев. Наверное, я всё же глупая, раз слова Андрея как гвозди, которыми он безжалостно приколачивает меня к моему личному кресту. Где-то на бессознательном уровне я ждала чего-то такого, но до последней секунды пряталась от этого.

Бояться, что любимый омут тёмных глаз может загореться злостью, и видеть эту злость – детали несоизмеримые. Мне нужна его поддержка. Я рассчитывала хотя бы на открытый, доверительный разговор с ним. Я сама пока ещё с трудом понимаю происходящее с нами и складываю реальность в голове в правильный пазл.

Весь день меня трясло мелкой дрожью. А результаты анализа крови я ждала с ещё большим страхом, чем списки зачисленных в вуз. Казалось, что я потеряю сознание прямо там, в клинике. Я хотела, чтобы Андрей меня обнял. Но он стоит напротив и не касается меня. Просто резко выдыхает:

– Садись в машину. Поехали.

– Куда? – часто-часто моргаю, чтобы не дать солёным слезам скатиться по щекам.

Я словно теряю того весельчака Никольского, который заваливал меня тысячей нежных слов о любви.

– Я отвезу тебя домой, – безэмоционально выдаёт Никольский.

Обычно мы всегда ездили в машине, переплетая пальцы и громко слушая музыку, гремющую басами.

Но сегодня в салоне отвратительная тишина. Я чувствую, как напряжен Андрей. Его ладони сжимают руль и периодически так сильно, что белеют костяшки пальцев. Так хочется протянуть свою руку к его.

Но я просто сижу на пассажирском как зомби. Не двигаюсь, гипнотизируя яркий свет фар перед капотом бешено мчащегося спорткара.

Я решаюсь подать голос, только когда машина тормозит у моего подъезда.

– Андрей, – смотрю на молчаливого Никольского и пытаюсь начать разговор мягко. Может быть, ему просто нужно время? Я сама ещё как пришибленная после увиденных двух полосок. – У нас же всё будет хорошо?

– Будет. Если ты сделаешь, как я тебя прошу. – Не поворачиваясь ко мне, он лихорадочно шарит руками по карманам джинсов.

И, словно не замечая, как меня долбит дрожью, достаёт несколько пятитысячных купюр. Спокойно кладёт их передо мной на приборную панель.

– Вот. Это тебе, – чётко проговаривает он, но в глаза мне так и не смотрит. Поправляет брендовые часы на запястье и делает вид, что в первый раз замечает их на своей руке. – Реши эту проблему.

До боли закусываю губы. Что вообще происходит?

– Я не смогу. – Всё-таки слёзы комом встают в горле. – Мне страшно...

– Значит, пока не избавишься от ребёнка, можешь мне не звонить.

Мне будто загоняют остро заточенный тесак под рёбра. Смотрю на Никольского за рулём и почти не вижу его: все очертания вокруг расплываются от накативших слёз. Не притронувшись к этим проклятым деньгам, я рывком дёргаю ремень безопасности и вылетаю из «мерседеса».

Не проходит и секунды, как за моей спиной с визгом пробуксовывают шины, и машина срывается с места. Я остаюсь одна посреди тёмного двора зачуханных панельных многоэтажек. И, по всей видимости, одна не только физически, но и морально...

Почему он не звонит и не пишет уже вторые сутки? Я мучаю телефон каждый час. Набираю знакомые цифры и травлю себя длинными гудками в трубке. Раз за разом...

Мне казалось, что у нас нет проблем. Может, мы и не идеальная пара, но и крупных ссор никогда не было.

Я всегда старалась сглаживать все углы. Андрей сложный человек, это я поняла почти сразу. Перемены настроения, упрямство, вспыльчивость, но после каждой размолвки он всегда приходил с букетом или подарком. Я думала, Андрей дорожит мной, боится потерять.

А теперь просто попала в очевидный игнор. Разве заслуженно?

Домой в тот вечер я вернулась сама не своя. Вика ещё не явилась из кино. Поэтому я нашла в себе силы лишь на то, чтобы лечь на кровать калачиком и уснуть, глотая слёзы. Вид брошенных купюр перед моим носом оказался более пощёчины. Мне хотелось, чтобы это всё было жутким сном.

Но утром следующего дня стало понятно – прошедший был реальностью. На кухне меня встретила насупившаяся сестра. И впервые я обрадовалась, что не нужно вести разговоры за завтраком.

О чём ни пытаюсь со мной беседовать, я всё равно буду думать о своих двух полосках.

Это странное чувство. Вроде пока никаких изменений, кроме такой длительной задержки месячных. Меня не тошнит, нет тяги к солёному, совершенно плоский живот. Разве что грудь немного налилась и побаливает.

Но во мне растёт новая жизнь. Это нервнует и окатывает трепетной волной одновременно. Я прислушиваюсь к себе и пытаюсь найти ответ: что мне делать дальше?

И как сказать о моей беременности Вике? Я люблю сестру, очень. Ближе неё у меня никого нет и не было, сейчас тем более, но не могу знать её реакцию навскидку.

А новость, пришедшая из деканата, заставляет меня нервничать ещё больше.

– Иванова, ты победила, – радостно сообщает мне декан, вызвав к себе в кабинет прямо посреди пары. Его улыбка сияет, как и лысина на макушке.

– Вы о чём? – непонимающе округляю глаза.

– Как о чём? О твоём конкурсном сочинении по английскому языку. Ты в числе призовых мест оказалась.

Я чуть не подскакиваю на стуле от радости, но секундная волна позитива быстро откачивается назад. Декан передаёт мне по столу ручку и лист бумаги.

– Пиши заявление на имя нашего ректора и готовься после сессии собирать чемодан на недельный тур в Англию. Это такой подарок за счёт администрации города тем, кто занял призовые места.

Проталкиваю в себя сухой, дерущий ком в горле. В голове панически складываются даты и цифры. Поездка после сессии? Скорее всего, у меня уже будет виден живот...

Смотрю на белый лист перед собой и вижу, как его перечёркивают две жирные бордовые полосы.

– Иванова, чего сидим, тормозим? – поторапливает декан, потирая ладони. – Пиши давай.

А я не могу. От какого-то бессилия и растерянности мне сложно взять эту чёртову ручку в руки. А ещё сложнее сейчас взять и прямо сказать, что, наверное, я никуда не поеду, потому что летом мне придётся думать о детской коляске...

– Извините, а можно потом? – спрашиваю, скрипя севшим голосом.

– Что потом? Заявление написать? – хмурится декан.

Господи, да если бы сама знала, что потом?! Но я просто киваю на его вопрос.

В голове внезапно звоном рассыпаются слова Андрея о мечтах, планах и о том, как всё это может пойти по одному месту из-за того, что я беременна.

Я внезапно понимаю, что мне попросту придётся сейчас от всего отказаться. От того, к чему я хотела стремиться, ещё когда засыпала под драным одеялом в детском доме. Всё рушится...

Мне становится нехорошо. Душно и подташнивает. Я покрываюсь холодной испариной под тканью футболки.

– Валерия, с вами всё в порядке? – декан обеспокоенно привстает с места, а у меня уже рябит в глазах.

Мне нужно срочно на воздух. Схватив сумку и пиджак, я просто без объяснений срываюсь и вылетаю из кабинета декана.

Бегу по коридору университета, расталкивая студентов плечами. И только на улице у меня получается дышать ровно. Тошнота уже не так противно жжёт горло.

Прислоняюсь к одной из колонн на входе в универ с диким желанием расплакаться. Только что перед моим носом положили мою мечту, честно заработанную трудом, а я даже не могу к ней прикоснуться.

Вся прострация, в которой я варилась эти несколько дней, теперь наконец рассеялась.

Я беременна. Мне восемнадцать, и меня бросил отец ребёнка.

Мне нужно решать, что дальше делать со своей жизнью. Сейчас.

Но именно в этот момент по моей сумке проходит вибрация. В заднем кармашке звонит телефон.

Ледяными пальцами достаю мобильный и замираю. На экране светится: «Андрей». Смотрю оторопело на телефон и не верю собственным глазам. Может, Никольский номером ошибся? Я уже и не ждала увидеть это имя во входящих. Но он точно не ошибся, потому что звонок идёт на второй заход. Сердце немеет в груди, когда всё-таки жму «ответить».

Правда, приветствую Никольского только молчанием.

– Лера... – Он сам замолкает на несколько секунд. – Алло? Меня слышно?

– Да, – сухо бросаю я, а ватное чувство в ногах усиливается.

– Слушай, давай поговорим. Я подъехал.

– Куда?

– К твоему университету. Я припарковался напротив. Сможешь выйти?

Я осторожно выглядываю из-за колонны, а сердце совершает сальто. Андрей действительно приехал! В белой футболке и чёрных джинсах он нервно топчется возле своей машины за территорией университета.

– Чего ты хочешь? – Боже, я надеюсь, что ему не слышно, как дрожит мой голос.

– Увидеть тебя, – выдыхает Андрей в трубку.

Замечаю, как нервно он запускает ладонь в волосы. Я хочу сорваться с места и лететь к серебристой иномарке, но одёргиваю себя. Никольский швырнул мне деньги на аборт!

– Выйду, как освобожусь, – проговариваю едко и холодно и бросаю трубку.

Но продолжаю наблюдать за Андреем из-за колонны. И он не уезжает, а покорно усаживается на капот своего «мерседеса».

Я даю себе и своему пульсу пару минут, чтобы прийти в норму. Приглаживаю руками распущенные волосы, поправляю ворот футболки и вытираю влажные ладони о грубую ткань джинсов.

А потом мои ватные ноги несут меня к серебристому «мерседесу» как в замедленной съёмке. Я даже дышу настороженно.

Андрей здесь! И, судя по тому, как он расплывается в улыбке, увидев меня, приехал явно без намерения скандалить дальше.

– Привет! – Никольский как ни в чём не бывало вдруг тянется ко мне за поцелуем.

А я всё же беру себя в руки и гордо уворачиваюсь, но от волнения меня сковывает мелкая дрожь.

– Зачем приехал? – Дистанцируюсь от Никольского на несколько шагов. Подальше от знакомого аромата его терпкого парфюма.

Смотрю в чёрные глаза в упор. Стараюсь выглядеть уверенной, хоть душа кричит, что очень скучала.

Андрей вздыхает и с явным недовольством прокашливается. Он что? Думал, что я кинусь в его объятия, когда он бросал мне те купюры в машине? Да, мне очень хочется обнять его, получить поддержку, но пусть сначала хотя бы объяснится.

– К тебе приехал, Лера, – Никольский засовывает ладони в карманы джинсов. Смотрит уже не на меня, а куда-то поверх моей головы. – Я тут подумал... Наверное, я неправ. – Мои глаза расширяются, а Андрей делает ко мне шаг и протягивает свою ладонь. – Давай обсудим всё спокойно. Кажется, мы не с того начали тот разговор...

Глава 4

Лера

Я смотрю на Андрея так, словно он прилетел с другой планеты. Иначе как объяснить то, что после грубого разговора и швыряния денег на аборт его как подменили.

Глаза светятся уверенностью, интонация без намёка на нервозность.

– И с чего хочешь теперь начать этот разговор? – я не выдерживаю натянутой паузы между нами.

Андрей жестом приглашает сесть в его машину. Окидываю сначала взглядом Никольского, потом и серебристый «мерседес». Если я откажусь, то проявлю гордость или упрямство? Но решаю, что если не сяду, то просто не узнаю, что заставило Андрея приехать сюда. Поэтому я молча оказываюсь на пассажирском сиденье дорогой иномарки.

В её салоне, как всегда, идеальная чистота и запах натуральной кожи, смешанный с ароматом парфюма Никольского: резкого и кислотовато-терпкого. Самый знакомый запах на этом свете. Тихо играет музыка. Вроде всё как обычно, но только вот за руку Андрей меня не берёт.

Ведёт машину, крепко сжав руль двумя ладонями. С непривычки я даже не знаю, куда мне деть свои, поэтому просто сцепляю их в замок у себя на коленях.

И первым разговор начинает Андрей:

– Как твоё самочувствие?

– Нормально, – растерянно пожимаю плечами. Такие вопросы, как проявление заботы, приятны, но не менее странны, когда этот же человек несколько дней даже не отвечал на мои звонки.

– Тошнота? Головокружения?

Отрицательно качаю головой, уткнувшись взглядом в бардачок перед собой, но тишина длится недолго. У меня тоже есть вопросы.

– Ты спрашиваешь меня об этом, чтобы молчание не висело в машине, или тебе правда интересно? – поворачиваюсь к Андрею и смотрю в упор на его выточенный резкими линиями профиль.

– Я хочу убедиться, что с тобой всё в порядке.

С безмолвным удивлением вскидываю брови. И Никольский, видимо, ловит моё недоумение через воздух.

– Лер, я понимаю, что наш последний разговор оказался не самым приятным, – вздыхает он. Проводит пятерней по тёмным волосам, но оставляет всё своё внимание происходящему перед капотом на дороге. – Ты просто вывалила на меня факт о беременности. Я растерялся и испугался. Это нормально, но я не подумал, каково тебе. Тебе же, наверное, в разы страшнее. Не у меня же в животе кто-то там живёт.

Мне хочется нервно хихикнуть. Кто-то?! Как будто в меня вселился чужой. Только вот этот «кто-то» – часть меня и Андрея.

– А теперь ты решил подумать обо мне? – хмыкаю я.

– Да, и поэтому мы здесь.

Машина сворачивает в тупиковый переулок и тормозит перед белоснежными воротами.

– Клиника? – Я дёргаюсь на сиденье так, что ремень безопасности впивается мне в плечо, когда мои глаза находят вензельную табличку.

– Нам надо убедиться, что с тобой всё хорошо. Что беременность протекает без патологий, что она маточная...

Я непонимающе глазею на Андрея. Откуда у него вообще такие познания в этой области? Гуглил? А Никольский тем временем спокойно глушит мотор и наконец достаивает меня взгляда.

Такого же спокойного, где-то даже пустого, но его рука тянется ко мне. Огромная ладонь ложится на мои, накрывая теплом. И я чувствую это тепло. Такое обволакивающее и нужное мне сейчас.

– Андрей, зачем тебе всё это? – потерянно шепчу я, заглядывая в бездонную глубину его почти чёрных глаз. – Пару дней назад ты швырял мне деньги, а сейчас привозишь в дорожную клинику и беспокоишься о моём здоровье?

Ладонь Андрея неожиданно крепко сжимает мои пальцы, сцепленные в замок.

– Потому что ты мне не чужая.

Сердце в груди взвивается какой-то глупой надеждой, и я не выдерживаю. Сжимаю ладонь Никольского в ответ и так беспомощно утыкаюсь лбом в родное плечо.

Масштабы клиники меня поражают. Моё обычное представление о медицинском учреждении разрушается в хлам. Никаких тебе очередей в регистратуре, толпы бабулек, сидящих под кабинетами, и едкого запаха безысходности.

Андрей уверенно ведёт меня за собой куда-то на второй этаж. И даже крепко держит мою ладонь в своей, не позволяя моим нервам взять надо мной контроль. Жест Никольского с этим походом к врачу обескураживает, но мы ведь и правда друг другу не чужие. А сейчас тем более.

– Андрей, а талончик на приём? Вдруг нас не примут? – тихо спрашиваю я, семена за ним по коридору и разглядывая картины, висящие на стенах.

Везде мило спящие младенцы и счастливые мамочки с детками на руках. Это точно отделение гинекологии. Никольский не сдерживает усмешку:

– За те бабки, что они получают за приём, здесь примут в любое время дня и ночи. Тем более я уже обо всём договорился. – Он тормозит у одного из кабинетов, а я немного напрягаюсь. Договорился? – Нам сюда. Подожди секунду, – Андрей указывает взглядом на лавочку у стены, на которую я покорно усаживаюсь.

Сам же Никольский исчезает за дверью с табличкой «Акушер-гинеколог», оставляя меня в коридоре одну. Совершенно одну. Коридор пугающе пуст.

Наеживаю слюну во рту, чтобы хоть как-то смочить внезапно пересохшее горло. И так же внезапно меня сковывает какое-то дурное предчувствие. Я не знаю, откуда оно.

Похоже, Андрей вроде как оттаял и готов разговаривать... Иначе зачем ему привозить меня сюда? Смысл обо мне беспокоиться?

– Лера, заходи. Тебя ждут. – Никольский появляется в коридоре и галантно придерживает дверь в кабинет. Но перед тем как я решаюсь туда войти, он ловит меня в объятия и оставляет на моих губах нежный поцелуй. Такой трепетный и осторожный, будто бы я стала фарфоровой. – Я люблю тебя, – с придыханием произносит он. – Помни об этом. Всё будет хорошо. Ты, главное, врача слушай, ладно?

Я натянуто улыбаюсь и киваю. Пытаюсь впитать в себя его «люблю». Отогнуть лишь сильнее вгрызающееся в меня чувство тревоги. Это просто нервы. Сейчас же, возможно, мне сделают УЗИ, и вдруг там уже что-то видно и можно разглядеть.

А главное, что Андрей всё же приехал. Он любит меня. Мы справимся.

Зайдя в кабинет, я всё-таки ещё раз бросаю на Никольского тревожный взгляд. Но он, уверенно улыбнувшись, плотно закрывает за мной дверь.

Маленький кабинет слепит белыми стенами и идеальной чистотой. Врач, миловидная шатенка лет сорока, вежливо кивает в ответ на моё робкое приветствие и жестом указывает мне на место напротив своего стола.

И так же вежливо вступает со мной в диалог, когда я располагаюсь в мягком кресле. На меня сыплются сотни вопросов: первые месячные, заболевания, первый сексуальный опыт, предыдущие беременности, роды или аборт, дата последней менструации.

И вроде бы врач улыбается и совершенно спокойно реагирует на моё смущение – такое общение с врачом у меня впервые, но тревожное чувство давит всё сильнее. Оно лишь нарастает снежным комом с каждой секундой, проведенной в этом кабинете.

– Какой срок задержки? – учтиво вопрошает доктор.

Я торможу с ответом. Не потому, что не знаю, а потому что мне словно не хочется говорить. Есть желание отгородиться. Я мысленно приказываю себе не наводить панику на пустом месте.

Передо мной же врач. Я в самой лучшей клинике города, а за дверью кабинета сидит человек, которого я люблю и который всё-таки любит меня. Он будущий отец, он здесь и рядом с нами. Чего мне бояться?

Облизнув сухие губы, называю срок своей задержки:

– Ровно неделя.

Врач что-то записывает себе на лист и, не меняя флегматичного выражения лица, предлагает мне пройти за ширму к аппарату УЗИ.

Я послушно выполняю просьбу доктора. Ложусь на длинную кушетку, приподнимаю край футболки и, расстегнув пуговицу джинсов, приспускаю их к бёдрам. И, как только моего оголённого живота касается датчик УЗИ, вымазанный мерзко холодным гелем, меня прошибает дрожью.

Волнительной и очень нервной. Неужели мне покажут, что там? Точнее, кто... Конечно, пол никто сейчас не скажет, но какая разница. Мне уже так хочется хоть одним глазком взглянуть на эту микроскопическую горошинку, что так чётко нарисовала две яркие полоски на тесте.

Только врач все манипуляции производит молча. Сосредоточенно сканирует взглядом экран аппарата УЗИ. И от этой напряжённой тишины у меня медленно холодеют руки и ноги. Не выдержав, я пытаюсь заглянуть туда, куда устремлены глаза врача. Чуть вытягиваю шею и слегка приподнимаю её с кушетки. Всё, что успеваю выхватить взглядом, – это чёрный экран и какие-то серые, движущиеся разводы на нём. Врач неожиданно резко отворачивает от меня изображение.

– Вы всё равно ничего здесь не поймёте, – прохладно заявляет она.

А я уже больше не могу молчать.

– У меня там всё в порядке? – смотрю на какое-то равнодушное выражение лица гинеколога с опаской.

– Я закончу с обследованием, тогда и поговорим, – безучастно тянет доктор.

Не знаю почему, но я готова расплакаться прямо в эту же секунду. Что значит, тогда и поговорим? Сердце начинает сильнее биться в рёбра, а воздух в лёгких тяжелеет.

Мне внезапно перестаёт нравиться здесь всё: кабинет, невыносимо белые стены, пиканье аппарата УЗИ и безэмоциональный взгляд врача.

– Одевайтесь, возьмите салфетку, вытирайте живот и присаживайтесь ко мне за стол, – резко бросает мне гинеколог, поднимаясь со своего места. Она забирает с собой какой-то лист, только что распечатанный на принтере, стоящем рядом с УЗИ.

Трясущимися руками выполняю все её приказы: стираю липкий гель с низа живота салфетками, одеваюсь и на словно онемевших ногах волочусь обратно в кресло.

– Вы же мне можете сказать, что всё хорошо? – срывающимся голосом прошу я.

Врач, нацепив на нос очки, бросает всего секундный взор на лист перед собой. Хотя мне кажется, что проходит какая-то дурная вечность.

– Не могу, – доктор наконец подаёт голос и спокойно смотрит на меня поверх своих очков. – У вас, Валерия, анэмбриония.

Мои пальцы неосознанно впиваются в кожаный подлокотник. Я не знаю значения этого слова, но оно уже мне не нравится. Какое-то пустое и мёртвое.

– Что это значит? – тихо спрашиваю я.

– Это значит, что зачатие произошло, но плодное яйцо пустое. Развивающегося эмбриона там нет. Вам показано прерывание беременности по медицинским показаниям.

Я молчу. Смотрю в какое-то отстранённое лицо врача, а вдоль позвоночника проносится ледяной вихрь.

– Как нет? – шевелю одними губами. – Но я же видела положительный тест. Я... – горло сдавливает паника, и я опять замолкаю.

– Валерия, послушайте, – начинает мягко стелить доктор. Её интонация вдруг становится елейной. – Ничего страшного в этом нет. Иногда такое происходит с беременностью. Может, так даже и лучше. Возможно, какие-то патологии, а ваш организм просто распознал это на раннем сроке и приостановил развитие эмбриона.

Несогласно трясую головой. Хотя нет. Трясусь я уже вся. Каждой клеткой своего тела.

– Я ведь не курю и не пью... Я не хочу никакого прерывания.

– Валерия, отпустите от себя панику и лишние эмоции. Мыслите здраво. Вы молодая. Вам всего восемнадцать. Восстановитесь уже через пару месяцев. И тем более срок крошечный – пять недель. Я вообще предлагаю вам обойтись без хирургического вмешательства.

И пока я пытаюсь уловить хоть какой-то смысл в словах врача, упускаю момент, когда перед моим носом на столе появляется упаковка таблеток. Мой желудок сжимается от нахлынувшего страха.

– Вы остаётесь у нас на пару дней, – а врачаха продолжает невозмутимо вести свой монолог. – Принимаете эти таблетки, и эмбрион выходит как обычные месячные.

Мир готов расплыться у меня перед глазами. Осознание просьбы врача медленно и так болезненно доползает до моего мозга. Но я не хочу в это верить. Так не бывает.

– А можно перепроверить? Вдруг вы случайно что-то не увидели? – через хрип шепчу я, вдавливая ещё яростнее свои ногти в кожаную ткань подлокотников.

– Я врач с двадцатилетним стажем. Ну уж не обижайте меня, – неодобрительно хмыкает докторица.

– Прошу вас, – пропускаю мимо ушей и глаз эту явную насмешку. От разъедающего в груди колючего страха я, наверное, готова и на коленях просить её об этом. Подаюсь всем телом вперёд и заглядываю прямо в глаза врача. С отчаянием и мольбой. – Посмотрите ещё раз. Этого не может быть.

Доктор лишь сдержанно переводит дыхание, а лицо всё такое же каменное.

– У вас шок, но аборт неизбежен. Или могут быть печальные последствия для вас, если не принять меры.

Мне хочется крепко-накрепко закрыть уши ладонями. Не слышать её слов. Как я об этом скажу Андрею? Но бегающим от растерянности взглядом я замечаю под рукой врача лист с моей фамилией и заголовком «Протокол ультразвукового исследования». Не знаю, что именно: ужас, боль или вера в чудо, – но что-то заставляет меня дёрнуть этот лист к себе.

Глава 5

Лера

Но докторица оказывается проворнее. Одним чётким хлопком ладони по столу она придавливает к нему белую бумажку.

– Цирк не устраивай, – цепкий взгляд врача изрешечивает меня. Она резко переходит на ты.

– Отдайте. Мне. Мои документы, – проговариваю решительным тоном и не перестаю играть с врачом в гляделки. – Я хочу уйти.

– Валерия, я прошу вас успокоиться.

– Отдайте. Я хочу другого врача. Хочу поговорить ещё с кем-нибудь. – Пытаюсь опять выдернуть из-под её ладони свой протокол УЗИ.

Но дамочка в белом халате сминает его пальцами и бросает себе под стол. Видимо, в урну. И, видит бог, если бы не деревянная перегородка под столом, то я бы кинулась доставать этот лист. Зачем она его прячет от меня? Что там написано?

– Ну что за неуёмная девица, – грубо процеживает врача. – Я сейчас санитаров вызову. Прекратите. Сказано же. Замершая беременность. Ты же не враг самой себе?

На каком-то интуитивном чувстве понимаю, что дальше находиться в этом кабинете нельзя.

– Здесь есть единственный враг – и это вы, – выплёвываю ей в лицо со слезами на глазах.

Срываюсь с места и вылетаю из кабинета гинеколога. И пусть мне в спину сейчас полетят проклятья, но больше ни секунды я в кабинете этой мегеры не проведу.

Я чувствую, что мне надо уйти отсюда. А ещё лучше бежать. Скорее и быстрее. Моё сердце чуть ли не вопит, что так быть не может и это какая-то ошибка. И плевать я хочу на двадцать лет стажа врачихи.

Поэтому, как только я оказываюсь в коридоре, то сразу бросаюсь на шею Андрею, мгновенно подскочившему с лавочки.

– Поехали отсюда. Прошу, – умоляюще всхлипываю я и только в этот момент понимаю, что мои щёки уже пропитаны слезами.

– Лер, что случилось? – Никольский ощутимо напрягается.

– Увези меня. Я не хочу здесь находиться. Поехали в другую клинику, к другому врачу. Андрюш, пожалуйста.

Его ладони ложатся мне на плечи. Сжав их, он отодвигает меня и хмуро заглядывает в лицо.

– Что сказал тебе врач?

– Что... что всё. Нужен аборт, – я не сдерживаюсь и больше не могу заглушить рвущиеся из груди рыдания.

Они разносятся по всему пустому коридору. Господи! Да мне даже произнести это вслух больно и дико.

– Чёрт! Это плохо, конечно, – Андрей глубоко вздыхает. – Но если врач сказал, ему же наверняка виднее.

– Нет! – трясую головой как придурочная. – Давай проверим ещё где-нибудь.

– Лер, это лучшая клиника.

– Пожалуйста, прошу тебя. Это же наш малыш, я чувствую, что...

– Хватит! – Никольский жёстко обрывает мои причитания. И даже слишком, потому что я перепуганно захлопываю рот и перестаю реветь. Андрей смотрит на меня уже с откровенным раздражением. – Что перепроверить? Врач же тебе сказал, что это анэмбриония. Что ещё ты хочешь услышать?

– Сказала, но я не знаю... я... – бормочу растерянно, почти виновато под его напором, но тут же меня как обухом по голове ударяют. Я замолкаю. Широко распахиваю глаза и ошарашенно разглядываю Андрея. Сердце в груди начинает противно скулить. В ужасе я отшатыраюсь от Никольского. – Откуда ты знаешь, что она мне сказала? Я тебе этого не говорила...

Не говорила точно, потому что даже сама не запомнила это жуткое слово. И догадки, что непрошено лезут мне в голову, приносят с собой приступ тошноты. Зажимаю рот рукой и делаю несколько глубоких вдохов.

– Сволочь, как ты мог? – всхлипываю себе в ладонь, в упор смотря на Андрея.

И мне невыносимо больно, когда при виде его наливающихся злостью глаз правда становится очевидной.

Господи, да Никольский каким-то образом в сговоре с той врачихой. Он просто всё проплатил...

– Лера. – Андрей делает шаг ко мне. Его голос вибрирует угрозой. – Я хочу как лучше. Я стараюсь для нас обоих. Ты мне потом спасибо скажешь. Выпей эту чёртову таблетку. Полежи пару дней здесь. Я всё оплачу, а потом, после сессии, мы рванём на Мальдивы. Хочешь?

Его слова режут и кромсают меня без ножа. До безмерного отчаяния и самой глубины души. Вся ванильная пелена слетает с моих глаз. Все эти месяцы, проведённые с Андреем, теперь становятся не моей жизнью. Потому что я люблю того Андрея, что дарил мне охапками цветы, встречал возле универа, смеялся со мной, был душой компании... Того, что был честен со мной и открыт. Я любила красавца.

А сейчас передо мной самый настоящий урод. Нет, не внешне. Внешне я всё так же смотрю на высокие скулы, уложенную копну тёмных волос, чётко очерченные губы и выразительные чёрные глаза.

Но я наконец разглядела, что под этими смазливими чертами лица. Гниль.

– Вали ко всем чертям, – цежу я через непомерное разочарование и жалость к самой себе.

Разворачиваюсь на пятках кроссовок, собираюсь в прямом смысле бежать отсюда. Плевать, что моя сумка так и осталась у Никольского в машине. Но я морщусь от боли и не могу ступить и шагу, когда меня грубо разворачивают за запястье.

– Хрен ты отсюда уйдёшь, – сквозь зубы рычит Андрей.

– Пусти! – вскрикиваю я на весь коридор.

Со всей дури отталкиваю Никольского от себя. Вырываюсь, делаю ещё один шаг прочь... Но с размаху врезаюсь в кого-то, кто откуда ни возьмись появляется прямо на моем пути.

Поднимаю голову и против своей воли застываю на месте. Потому что меня протыкают взглядом такие же тёмные глаза, как и у Андрея. Копия в копию.

Только передо мной худощавая женщина в белом халате. Её волосы, элегантно подстриженные под каре, выкрашены в холодный пепельный оттенок блонда. В тандеме с такими глазами это смотрится очень красиво.

– Что здесь происходит? – её голос мелодичен. Женщина, перестав буравить меня взглядом, бросает его мне за спину. – Андрей...

Я невольно задерживаю дыхание. Откуда она?... Но ответ находится очень быстро.

Он вписан на бейджике кипенно-белого халата.

«Главный врач Никольская Алла Сергеевна»

– Мам, всё нормально. Мы просто с Лерой ещё не договорили. У нас возникло небольшое недопонимание.

Меня окончательно пробирает ступором. Передо мной точно мать Андрея. За всё время отношений он ни разу не приводил меня в свой дом. Да я и не настаивала. Меня, не имевшую родителей, мысль, что придётся знакомиться с чужими, всегда приводила в волнение.

Но в курсе ли эта женщина, что делается под её носом?

Может, в её силах прекратить весь поганный спектакль? И пусть я толком не знаю, говорил ли Андрей когда-нибудь обо мне матери, но в душе проскальзывает искра надежды... Вдруг Никольская образумит своего сына?

Я непонимающе перекидываю взгляд то на Андрея, то на его мать. И от их немого диалога глазами пол медленно проседает под моими ногами.

Мать и сын смотрят друг на друга так, что я и без слов их понимаю. Она не удивлена и не обескуражена присутствием Андрея здесь. Лишь сканирует его недовольным взглядом, а он... Отец моего ребёнка раздосадованно вздыхает. Мол, я пытался. И лапы ужаса сильнее сдавливают мою грудную клетку.

Никольская в курсе, что я здесь делаю и по чьей инициативе оказалась. И, похоже, всё представление только начинается.

Мать Андрея вдруг кладёт ладонь на мою поясницу и подталкивает меня дальше по коридору.

– Недопонимание, значит? – натянуто проговаривает она. – Предлагаю нам с Валерией решить всё в моём кабинете. Мы поговорим по-женски, а Андрюша пока сходит нам за кофе. Да, сынок? – Алла Сергеевна многозначительно стреляет в него глазами.

И я даже не успеваю понять, как её сынок покорно оставляет нас одних в коридоре, а от фразы «поговорим по-женски» у меня проскальзывает холод по телу.

Разум настойчиво просит уносить отсюда ноги, но сами ноги следуют за миниатюрной женщиной в белом халате в конец коридора.

Оказываюсь в очередном кабинете этой чёртовой клиники. И он отличается от предыдущего: здесь полное отсутствие медицинских проборов или техники. У светлых стен стоят стеллажи с книгами, везде развешаны грамоты и дипломы, стоит огромный кожаный диван у окна. Но меня усаживают за т-образный стол, а Никольская садится напротив.

– Вы не удивлены... – настороженно начинаю разговор первой.

Алла Сергеевна касается своего подбородка ухоженными пальцами со стильным маникюром и задумчиво очерчивает его.

– О том, что ты залетела? – в этот вопрос она не вкладывает ни одного намёка на удивление. – Конечно. Андрюша мне доверяет. Мы с ним всё обсудили и решили, что сейчас нам это всё ни к чему.

Женщина напротив сама глыба спокойствия. Она уверенно держит спину, и, несмотря на один уровень наших взглядов, я всё равно чувствую каждым волоском на коже исходящее от неё превосходство. Это Никольская здесь правит балом и в стоворе со своим сынком. Он привёз меня сюда с её подачи.

А я одна. Напугана и растеряна. И собственным ушам верить не хочется так, что я почти на грани того, чтобы закрыть их ладонями и отчаянно трясти головой. Горло невыносимо дерёт паскудное ощущение опустошённости.

Страшно ли мне рядом с матерью Андрея? Ни капельки.

Мне просто жутко до того, что сжимается в гадкий комок желудок. Я панически пытаюсь вспомнить, был ли щелчок замка, когда Алла Сергеевна закрывала за нами дверь кабинета.

– Я знаю про тебя, Лера, давно, – Никольская склоняет голову, скользнув по мне оценивающим взглядом. – И не могу сказать, что безумно рада вашей связи. Но чем больше ты запрещаешь что-то мужчине, тем сильнее ему этого хочется. Вот я и закрыла глаза на твоё появление. Ему всё равно это надоело бы. Только ты прицепилась как банный лист...

В кабинете Никольской висит тишина. Я заворожённо слушаю эту женщину, вцепившись в неё застывшим взглядом. А может, это всего лишь сон? И сейчас завопит будильник моей сестры. Я ведь смогу проснуться от этого кошмара?

– Ну не смотри на меня как баран на новые ворота. Ты же прекрасно понимаешь, о чём я, – раздражённо вздыхает мать Андрея. – Кто там твои родители? Алкаши? Или нар-

команы? Детдомовской пробиться тяжело, так почему бы не родить от обеспеченного парня. Да? – Уголки выразительных губ приподнимаются в изящном ехидстве.

Я вдавливаю пальцы в ткань джинсов и наконец решаюсь заговорить. Неуверенно и хрипло, но всё же смотря Алле Сергеевне прямо в глаза:

– Я о свадьбе даже не заикалась. Но я беременна от вашего сына. Он должен...

– Ничего он тебе не должен, – Никольская резко обрывает меня, повысив голос и протестующе выставив вперёд ладонь. А в её взгляде вспыхивает откровенное раздражение. – Меня не интересует, забеременела ли случайно или намеренно. Но никакого отношения к нашей семье ты иметь не будешь. Не рассчитывай. Да и откуда мне знать, перед кем ты ещё раздвигала ноги кроме моего сына.

Её слова, как колючки репейника, мгновенно цепляются ко мне. Жгучее чувство нестерпимо, но кто отец этого ребёнка я знаю на тысячу процентов. Набираюсь смелости и выпрямляю спину, прежде чем озвучить непоколебимую истину.

– Любой тест ДНК покажет, что... – начинаю я.

И пусть не собираюсь я бежать за тестами. У меня и цели не было примерить на себя фамилию «Никольская», но и просто молчать не хочу. Слишком больно бьёт словами мать Андрея.

– Любой тест будет таким, как захочу я, – с усмешкой отчеканивает Алла Сергеевна. – Мои связи и связи отца Андрюши могут творить чудеса. Хоть все суды обойди, да у тебя и денег-то не хватит с нами тягаться.

От источника моего яда у меня ощутимо горчит во рту. Она ведь очень красива – как и её сын. И теперь мне понятно, что он унаследовал не только её чёрные глаза. Но и чёрную душеньку.

– Это. Ваш. Внук, – непоколебимо говорю я, а глупая надежда всё ещё теплится где-то внутри меня.

– Продолжать фамилию Никольских будут хорошие девочки, а не приبلуды детдомовские.

Мать Андрея бьёт по самому уязвимому. Мои плечи опускаются, а взгляд падает на колени, в которые я нещадно вцепилась пальцами.

– Я тебе как женщина женщине скажу, – нетерпеливо вздыхает Алла Сергеевна. – Беременность и рождение ребёнка – это не самый лёгкий период в жизни. Особенно когда нет рядом опоры. Старшего сына я родила рано и незапланированно. Его отцу пришлось жениться на мне, но мы развелись сразу же после родов. Но знаешь, мне повезло. У меня были замечательные родители, которые стали моей опорой. А у тебя их нет. И потом, я почти сразу встретила отца Андрея. Вторая беременность была осознанная и долгожданная. Я даже чувствовала себя по-другому, когда носила Андрюшу под сердцем. Была счастлива, потому что знала: у меня появилась настоящая семья. А как ты собираешься тянуть на себе все тяготы материнства одна?

А я всё ещё впираюсь взглядом в свои побелевшие от напряжения пальцы. Я не знаю ответа на этот вопрос. И чем больше говорит Никольская, тем сильнее чувствую себя загнанной в угол...

– Молчишь? – хмыкает она. – Мой тебе совет. Делай аборт, пока это можно решить одной таблеткой. За деньги не переживай. Ещё дам в конвертике. Айфон там себе купишь.

Я не могу удержаться от нервной улыбки. Нет. Это точно просто мой самый чудовищный кошмар.

– Я аборт делать не буду, – сиплю цежу я.

– И кого плодить собираешься? Нищету? Имей в виду, что от Андрюши ты ни копейки не получишь. Замучаешься таскаться по судам. Уж это я пообещать могу. К нашей семье присосаться не выйдет.

Резко поднимаю голову. Острый взгляд матери Андрея всё ещё направлен на меня. И в нём целый океан цинизма, хладнокровия и безразличия. Кажется, я ошиблась. В этой женщине и души-то нет.

– Вы ненормальная... – срывается с моих губ, а перед глазами уже мелькают чёрные мушки. – Мне и ребёнку от вас ничего не нужно.

Подрываюсь с места, бросая спасительный взгляд на дверь, но у Аллы Сергеевны реакция что надо. Одним чётким движением она хватается меня за руку. Сдавливает пальцы на моём запястье и угрожающе тянется ко мне через стол.

– Ты сама ещё ребёнок, – сквозь зубы говорит она. – Я тебя предупредила. Ты ни за что и никогда не докажешь, что Андрей отец. Пока я жива, этому не бывать. – От дьявольских тёмных глаз и злобы в них у меня насквозь холодеет каждая молекула в теле. – У тебя два варианта, Лера. Или мы тихо идём на аборт за наш счёт, или ты будешь матерью-побирушкой в восемнадцать лет.

– Отпустите. Я закричу, – судорожно шепчу я, медленно выворачивая запястье из ухаженных пальцев Никольской. И мой выбор однозначен.

Слышу скрип её зубов и вижу, как она сжимает челюсть. Но цепляться за мою руку Алла Сергеевна перестаёт.

На одном дыхании и прыжке я рвусь из её кабинета. Сердце ощутимо бьётся где-то в горле. Если эта дверь сейчас окажется закрыта, то я и правда готова кричать, орать, ломать изнутри, лишь бы сбежать отсюда.

Но в коридор я вылетаю беспрепятственно. И, слава богу, он пуст. Мне всё равно, что моя сумка с конспектами осталась у Андрея в машине. Главное, телефон спрятан в кармане моих джинсов.

Я просто бегу из этой адовой клиники, что есть сил. Не оборачиваясь и не останавливаясь, несусь несколько кварталов до своего двора. Сталкиваюсь с прохожими, влетаю в их плечи и спины. Едва сдерживаю в себе мучительные спазмы тошноты.

Добираюсь домой на своих ногах каким-то чудом. Но, едва переступив порог, сразу лечу в ванную и бросаюсь к унитазу. Меня выворачивает наизнанку до боли в груди. Словно мой организм хочет избавиться от всего, что мне сегодня пришлось проглотить сполна: предательства, злобы, отчаяния. Всего этого слишком много на одну меня и на крошечную жизнь под моим сердцем.

Я отползаю от белого фаянса на дрожащих ногах. Мне едва хватает сил прижаться спиной к холодному кафелю в ванной. Знаю, что сейчас Вика на смене в кафе, поэтому разрешаю себе взвыть в голос.

Потому что я оказалась совсем не готова к тому, что случилось сегодня.

Глава 6

Лера

Я просыпаюсь от чего-то тяжёлого, что резко падает мне на голову, и недовольного бухтения сёстры:

– Лерка, да выруби ты его.

Плохо соображая, где я и что я, вынырываю из-под пледа, а декоративная подушечка слетает с моей кровати. Видимо, именно она и разбудила меня, упав сверху.

Последнее, что помню, перед тем как затянуло в зыбкий сон, – я пишу сообщение Вике о разыгравшейся мигрени и прошу сестру меня не тревожить, а потом утыкаюсь в подушку лицом и реву.

Сколько часов я пропитывала наволочку слезами, даже сказать не могу. Меня скручивало в жгуты от бессилия и непонимания: за что?

Но, видимо, ревела я долго, раз мой взгляд уже тонет в темноте. Значит, сейчас давно за полночь. Да и ворочающаяся на соседней кровати Вика тому подтверждение. Её смена в кафе обычно заканчивается часов в двенадцать ночи.

– Лера, ну выключи, – стонет Вика, залезая с головой под одеяло.

– Кого? – Я недоуменно приподнимаюсь на кровати, пытаюсь разлепить глаза.

А они просто горят от лихорадочно выплаканных из них слёз.

– Свой телефон. Он вибрирует, – раздаётся глухое из-под одеяла с кровати сестры.

И только в этот момент я действительно слышу назойливое жужжание в тишине комнаты.

Свесив с кровати одну руку, поднимаю телефон с пола. И обомлело смотрю на экран мобильного. Там ярко светится надпись – «Андрей». Как глупо и иронично, но возле его имени я всё ещё не убрала этот тупой смайлик-сердечко.

Тут же сажусь на кровати с грохочущим сердцем в груди, крепко зажимая телефон в руке. После того, что произошло сегодня, его звонок никак не вяжется с реальностью. И поэтому я просто сбрасываю вызов, оставляя в спальне тишину, разбавленную лишь размеренным стуком дождя за окном, и стекаю по подушке, поглубже зарываясь в плед.

– Блин, Лера! – тут же возмущается Вика, сбрасывая с себя одеяло, и машет своим светящимся телефоном в воздухе. – Мне звонит твой Андрей. На фига?

– Знать не знаю... – равнодушно бросаю я, прижимаясь щекой к подушке.

– Вы поругались, что ли?

– Типа...

Телефон сестры перестаёт светиться, но тут же снова вибрирует и загорается экран моего. Вика со стоном ныряет с головой под подушку:

– Вы можете разбираться не в два часа ночи, блин?

А я с психом всё-таки подрываюсь с кровати и выскакиваю из спальни, плотно прикрыв за собой дверь.

Стою в коридоре, где источником света является лишь мой звонящий телефон, стиснутый в руке.

Сегодня я дала себе твёрдое обещание: больше никогда не соприкоснуться с Андреем и его семьей. Через боль и разочарование вычеркнуть всё, что было между нами. Прямо наживую вытащить свои чувства из души. Рано или поздно этот шрам затянется, а малыша я буду считать только своим. И ничьим больше.

Но сейчас даю себе слабину. Ошибочную и позорную, но пальцы сами проводят по экрану, отвечая на звонок.

– Лерка, я у твоего подъезда, выйди, – ни здрасте, ни до свидания, в трубке просто звучит приказ.

– Что тебе от меня ещё нужно? – резко сиплю вполголоса и в крошечной темноте осторожно перемещаюсь по коридору в сторону кухни.

– Разговор есть.

– Андрей, – твёрдым шёпотом заявляю я, – нам не о чём больше разговаривать. Не звони мне и...

– У меня осталась твоя сумка с вещами.

– Можешь её выкинуть. – Добираюсь на ощупь до стула в кухне и присаживаюсь.

Его старая ножка скрипит на всю квартиру, и я вздрагиваю.

– Иванова, давай расстанемся по-хорошему. Я знаю номер твоей хаты. Не вынуждай меня туда врываться, – Андрей многозначительно понижает голос.

Первый раз за всю нашу «любовь» он называет меня по фамилии. Это неприятно режет слух. Да и интонация Никольского заставляет с опаской покоситься на тёмный коридор. Меньше всего мне бы хотелось, чтобы Вика узнала о моих проблемах именно таким образом. Через скандал и разборки. Я обязательно ей всё расскажу, мне просто нужно немного времени – хочется сначала самой всё уложить в голове.

Так что всё же даю сдержанное согласие на встречу с Андреем именно сейчас, посреди ночи. Выйду, заберу из машины свои вещи, и потом его номер просто полетит в чёрный список на всю жизнь.

Сунув телефон в карман домашних штанов, в темноте добираюсь до коридора, накидываю на футболку ветровку, натягиваю балетки и как можно тише выскальзываю из квартиры. Господи, хоть бы Вика не проснулась...

А за порогом подъезда вовсю хлещет дождь. И машина Андрея действительно стоит в моём дворе.

Как бы я ни храбрилась сегодня, пока рыдала, но сердце, сжавшись, летит куда-то в желудок. Сколько времени мне понадобится, чтобы взять и с лёгкой руки всё перечеркнуть? Которая наша встреча с Никольским будет последней? То, что он хотел со мной сделать, прощению не поддаётся.

Плотнее завернувшись в полы ветровки, перепрыгиваю под дождем через десяток луж, чтобы добраться до серебристого спорткара.

В салоне «мерседеса» всё так же витает кисловатый аромат парфюма и терпкий запах натуральной кожи, но моё обоняние улавливает ещё какой-то посторонний запах... Усевшись на сиденье, даже не смотрю на водителя. Дрожащими руками стираю со лба капли и холодно проговариваю:

– Отдай мне мою сумку, и на этом всё. – Держусь как можно остранинее.

– А подружелюбнее слабо-о? – с откровенной усмешкой тянет Никольский.

– Ты большего не заслуживаешь, – стискиваю зубы и, не моргая, смотрю на тоненькие ручьи капель, бегущие по лобовому стеклу.

Моя память, как злой клоун, подкидывает мне яркое и теперь болезненное воспоминание нашего первого свидания и очень жаркого поцелуя в его финале. Это было именно в такую погоду...

– Сама виновата. Сделала бы аборт и проблем бы не создавала.

И я вдруг понимаю, что ещё смешалось с запахом его парфюма и салона «мерса» – запах перегара.

Резко оборачиваюсь, округляя зудящие от пролитых слёз глаза. Поза и вид Андрея настаивают ещё больше. Его волосы, всегда аккуратно уложенные, растрёпаны, а пуговицы на рубашке расстёгнуты почти до живота. А сам Никольский как-то неестественно вальяжно развалился на сиденье.

– Ты что, выпивший? – я настороженно отодвигаюсь, упираясь спиной прямо в пассажирскую дверь.

Знаю, что несколько раз после наших скандалов он умудрялся садиться пьяным за руль, но рядом меня никогда не было.

Андрей перестаёт пялиться куда-то перед собой. Повернувшись, он криво морщится, шуря покрасневший, слегка косой взгляд.

– Ой, вот только не надо. Повод был. Может, у меня, вообще, жизнь из-за тебя рушится.

– Это у тебя она рушится? – От такого хамского заявления я даже пропускаю нужные нотации о том, что он выпивший за рулем. Слова, что весь день жгли мне душу, сами срываются с языка: – А что тогда говорить обо мне? Мы столько времени были вместе, я думала, что ты родной и близкий человек, которого я люблю и который меня любит...

Громкий хохот врывается в мои причитания. Никольский, запрокинув голову, просто откровенно ржёт.

– Божечки-и, это-о-о смешно-о-о, – он со смехом растягивает слова. – Не, я, конечно, подозревал, что ты до безобразия наивная, но не настолько, чтобы быть душой. Какая к чёрту любовь? – Смех резко останавливается, а Андрей смотрит на меня опьяневшими глазами. – Ты серьёзно думаешь, что я не имел других тёлок, пока вошкался с тобой?

Я замираю. Даже моргнуть не выходит.

– Ты изменял мне? – шепчу на выдохе, а в моих висках нарастает пульс.

– Знаешь ли... Супчик супчиком, а борщика-то хочется...

Этот издевательский смешок переполняет меня выше края. Вместе с острым чувством ещё одного предательства и болью я получаю и неуправляемый взрыв злости. Даже не соображаю, когда замахиваюсь и ударяю наотмашь Андрея по лицу. Звон пощёчины виснет в салоне машины.

Это больше, чем моя последняя капля терпения. Дышу часто и испуганно, пока немеет от хлопка моя ладонь. Я сама не ожидала, что сделаю это. Что влеплю этому мерзавцу, что заслужил.

Но замутнённый взгляд Андрея заставляет меня сжаться на сиденье. Пугающе бездонная темнота в нём становится звериной.

– Вот сучка охреневшая! – рычит Никольский.

А через секунду я получаю ответный удар по своему лицу... Огромной, тяжёлой ладонью по щеке.

Кислород в моих лёгких каменеет, а перед глазами всё двоится и кружится.

Это сильнее, чем просто боль. Эта боль унижительна. Она раздавливает изнутри так, что хочется закричать. Но у меня выходит лишь хватать ртом воздух, прижав ладонь к месту удара.

– Руки она ещё распускать будет, – слышу шипение Никольского как будто через туман.

Дышать. Я не могу дышать. В груди жжёт, словно туда мне льют расплавленный металл. Мой мир не просто рассыпается на кусочки. Я сама рассыпаюсь... Он ударил меня.

Это конец. Всему конец. Всем моим чувствами и сожалению. Полный финал веры, что со мной ещё может случиться что-то хорошее...

– Сволочь, – судорожно задыхаясь, шепчу я. Моя щека горит от боли, а во рту чувствую гадкий, но отрезвляющий привкус своей же крови. – Какая же ты сволочь. Будь проклят тот день, когда ты появился в моей жизни.

И Никольский опять рыпается ко мне, а я взвизгиваю от испепеляющего взгляда. Андрей резко обхватывает мой подбородок пальцами, сдавливает его и дёргает моё лицо к себе. Заставляет смотреть прямо в глаза, в глубине которых сам дьявол.

– Да ты благодарна должна быть, что я обратил на тебя внимание. Надо было бросить тебя ещё после первого раза, но я просто пошёл на поводу у своей жалости, – Никольский искривляет лицо в жуткой ухмылке, а меня обдаёт запахом алкоголя.

И страх окончательно становится частью меня. Никольский пьян, и я его боюсь. Мне больше не знаком этот человек. Лишь ясно понимаю, что в этой машине я тет-а-тет с чудовищем, от которого жду ребёнка.

– Пусти, – тихо всхлипываю.

Отчаянно упираюсь ладонями в каменные плечи Андрея, брыкаюсь как могу. Но всё равно смотрю только в полные чёрной ненависти глаза.

Никольский кривится и безжалостно вдавливая свои пальцы мне в челюсть. Каждая мышца его лица пропитывается злобой. Как бы я ни не хотела плакать в этот момент, но слёзы бескрайним солёным потоком рвутся по моим щекам.

Андрей вдруг резко отталкивает меня, убирая пальцы с моего подбородка.

Разум тут же кричит мне: беги!

Перевожу дыхание, но не успеваю даже дотянуться до ручки пассажирской двери. Меня оглушает чёткий щелчок автоматического замка машины и неистовый рев её мотора.

Моё сердце сжимается до крохотного размера. Оно сдавливается всепоглощающим страхом, когда «мерседес» вырывается из темноты двора на плохо освещённый проспект. Какого чёрта творит Никольский?

Наш район на окраине города – не самое удачное место для того чтобы давать волю всем лошадям в моторе.

– Андрей, что ты делаешь? – непонимающе хриплю и в ужасе смотрю на рывками качающуюся вправо стрелку спидометра.

80 км/ч.

– Мы просто катаемся, детка, – он омерзительно смеётся, а спорткар, зарывав, резко дёргается вперёд.

100 км/ч.

Холод затопливает моё нутро, а меня саму припечатывает спиной к сиденью. И желудок липнет к позвоночнику. Я даже перестаю чувствовать, как горит моя щека от пощёчины Андрея. Ползущий страх сильнее любой боли...

В лобовое вижу, как пунктирная разметка на проспекте становится сплошной. Она белой линией уходит под капот. Андрей ведёт машину ровно посередине двух пустынных полос: его и встречной.

– Вернись. Прекрати. – Стараюсь держать своё самообладание в руках.

Не выдать панику, что капля за каплей впрыскивается мне в кровь.

– Поедем, красotka, кататься... – фальшиво распевает Никольский.

Ему смешно. Он просто заливается от хохота...

– Андрей, – повышаю голос, цепляясь пальцами правой руки за ручку двери, а левой вонзаюсь в кожаное кресло под собой. – Остановись. Я прошу тебя.

Но «мерседес» совершает ещё один ускоренный рывок вперёд.

110 км/ч. Воздух в моих лёгких становится стекловатой. Колется до острой боли в груди. Мимо тусклыми линиями пролетают фонари, стоящие вдоль дороги, и спящие многоэтажки. Я столько раз сидела на этом месте, когда Андрей участвовал в уличных гонках. И никогда не испытывала и искры паники. Мы катались и на больших скоростях. Никольский, как водитель, был просто монолитом сосредоточенности и уверенности. Но только не сейчас...

Андрей неестественно вальяжно развалился за рулем и едва цепляется за него всего одной ладонью. Я чувствую, что машина всё сильнее виляет по дороге.

– Что ты творишь? – мой голос срывается в испуганный хрип. – Остановись. Скорость сбавь. Ты же выпивший. Разбиться хочешь?

– Страшно? – скалится Никольский.

Запрокидывает голову и ведёт плечами и шеей, разминая её. В полумраке его голос и его ухмылка делают мой страх адским.

– Андрей, чего ты сейчас хочешь добиться? Я вышла к тебе, чтобы разойтись мирно. Пожалей, пожалуйста, если не меня, то ребёнка.

– Да не нужен мне этот ребёнок! – Его ладонь с размаху ударяет по рулю, а машина делает зигзаг посередине разметки. – Не! Ну! Жен!

Успеваю выставить руки вперёд и не вписаться грудью в панель над бардачком, а из лёгких вырывается возглас. Я ведь даже не успела пристегнуться. Облизываю сухие губы и боюсь взглянуть на дорогу. Всё, что я могу, – это молиться, чтобы встречная полоса оставалась пустой вечно.

– Хорошо, я согласна и ни на что претендовать не собираюсь, – пытаюсь быть убедительной. Говорю чётко и спокойно.

Понимаю: если я хочу выбраться отсюда, то должна заставить Никольского остановиться любой ценой. Любыми уговорами и обещаниями. Даже если он высадит меня прямо здесь и сейчас: на дороге, посреди ночи, на незнакомой улице. Хочу оказаться где угодно, только не в машине с пьяным Андреем.

– Ага, я похож на лоха? – выплёвывает Никольский. – Сейчас не собираешься. А потом, лет через десять, заявишься со своим приплодом на руках. И будешь доить меня на бабки.

– Я не приду к тебе. Никогда, Андрей. Что бы в моей жизни ни случилось. Только прошу... – У меня перехватывает дыхание – на спидометре 120 км/ч. Крупная дрожь бьёт по нервам, но я заставляю себя говорить медленно: – Останови машину. Я сейчас выйду, и мы разойдёмся навсегда. Ты больше меня не увидишь.

Никольский бросает на меня взгляд, криво дёргая уголками губ, а его чёрные глаза полны тумана.

– Да без базара. Зато ты навсегда запомнишь нашу последнюю встречу. Ну-у... чтобы наверняка не возникло желания приползти ко мне... – издевательски шипит он и вообще перестаёт смотреть на дорогу.

Автомобиль едет по кривой. Меня шатает, пока я беспомощно пытаюсь ухватиться за свой ремень безопасности.

– Никогда. Клянусь. Я уеду из этого города. Остановись! Пожалуйста! – не выдерживаю и срываюсь на крик.

Я перестаю понимать, что происходит. Вжимаюсь в сиденье всем телом под неестественный рык мотора машины. Мне страшно смотреть на зверя за её рулем... Мне страшно слышать его голос и вдыхать запах перегара, сплетённого с ароматом дорогого парфюма...

– Ты же так любила скорость, Лер. – Нетрезвая усмешка Никольского вызывает сильный всплеск тошноты. Я зажмуриваюсь. – Чего теперь ссышь? Это же охрененно: драйв, адреналин. Покатаемся, как в старые добрые, и я верну тебя домой...

– Андрей... – умоляю я.

Не понимаю, зачем он это делает. Откуда взялась в нём эта звериная дикость? Почему именно сейчас? Он больше чем невменяем.

– Поедем, красотка, кататься... – его гогот тошнотворен.

– Остановись! – я сдаюсь истерике и кричу на весь салон.

– Давно я тебя поджидал... – Андрей продолжает петь и ржать одновременно.

С закрытыми глазами мне чудом удаётся схватиться за ремень безопасности. Перекидываю его через себя. Дрожащими пальцами на ощупь успеваю защёлкнуть на нём замок всего за секунду «до».

За проклятую секунду до того, как машину резко подбрасывает и дёргает в сторону.

– Сука! – истошный вопль Никольского сливается с адским скрежетом металла и визгом тормозов.

И я больше не я. Теперь я – это просто страх, уничтожающий и неизмеримый. Обхватываю себя руками и хочу распахнуть глаза. Но не хватает сил, потому что резкая боль врезается мне в голову. Чувствую, что словно катаюсь на карусели.

«Малыш...» – только это и проносится в моих мыслях. Удар. Резко хватаю воздух ртом и отключаюсь.

Глава 7

Лера

Я в тишине. Такой вязкой и обволакивающей, что мне она нравится. В ней уютно и без-
опасно. Я бы так в ней и оставалась, но всё сильнее чувствую боль, ползущую по правой руке.

Хочется просто смахнуть её с себя. Дёргаюсь, и она пронзает до кости. Из меня выры-
вается стон. Настолько грудной и хриплый, что пугаюсь сама себя и резко распахиваю глаза.
Белый свет бьёт в них наотмашь. Снова замираюсь, а тишина вокруг меня пропадает.

– Тихо. Ш-ш-ш, всё хорошо, родная моя, – голос сестры долетает до моих ушей, а лица
касается что-то тёплое.

Она гладит меня по лбу и щекам. В голове редкими молниями проносятся мысли. Почему
мне снится Вика? И почему моё тело такое тяжёлое?

Я так странно себя чувствую. И этот запах... Втягиваю носом воздух. Дома у нас так не
пахнет. Я чётко ощущаю, как в ноздрях щекочется что-то химическое и горьковатое.

Решаюсь ещё раз открыть глаза, только медленно. И кипенно-белый поток теперь не сле-
пит. Он перекрыт знакомым русоволосым расплывчатым силуэтом. Вика, склонившись надо
мной, тихо всхлипывает и продолжает гладить меня по голове.

– Ви-и-к, – слабо хриплю я. Пара взмахов ресницами, и вижу сестру уже чётче: её запла-
канные, ужасно опухшие глаза, покрасневший нос, всклокоченные волосы, небрежно собран-
ные в хвост.

– Уже всё хорошо. Ты теперь снова со мной. Всё хорошо, – шепчет она, а потом просто
прикладывается лбом к моей груди.

И меня пронзает очередной всплеск боли. С резким стоном я вздрагиваю, и Вика вздра-
гивает тоже. Выпрямляется и смотрит своими серо-голубыми глазами испуганно.

– Болит, Лер? Где болит?

На секунду я перестаю держать связь с реальностью. Не могу сообразить: почему мне
больно от любого движения, почему отчётливо пахнет лекарствами, почему вокруг так светло
и почему Вика зарёванная?

И мне всё больше кажется, что в моей голове чего-то не хватает... Обвожу взглядом
пространство вокруг себя, и вопросов становится ещё больше. Вижу светлые стены, огромное
пустое окно, а сама я лежу солдатиком в каком-то сером халате, по плечи прикрытая белой
плотной простынёй.

– Вик, я что? В больнице? – непонимающе взглядываю на сестру, сидящую на моей кро-
вати.

В голове мечутся хаотичные искры. Да, я точно в палате. Правда, совсем не соображу,
каким образом...

Вдруг мои виски словно протыкают стрелой. Я вижу перед глазами дорогу, подсвеченную
автомобильными фарами, и то, как она вертится по кругу. И я всё наконец понимаю. Господи...

– Вик, авария. Вика, я... – Подрываюсь с подушки, но боль в руке и груди откидывает
меня обратно.

Я издаю стон во весь голос, начиная дрожать всем телом.

– Лер, всё хорошо, слышишь? – Вика тут же кладёт свои ладони мне на плечи. Гладит
их, а потом и мои руки. – Ты со мной. Я так испугалась, когда мне позвонили.

– А как ты меня нашла?

– Не помнишь? Врачи сказали, что, когда тебя привезли, ты даже была в сознании и
разговаривала с ними...

Шумно дышу, стараюсь уловить в словах Вики хоть какие-то воспоминания. Но ничего...
Разве что единственная мысль заставляет всю меня похолодеть до самого нутра.

– Мой ребёнок, – испуганно бросаю я, накрывая ладонями живот.

В этот момент мой страх становится таким животным и осязаемым, что, кроме него, больше ничего не чувствую. Мне и в голову не приходит подбирать слова для этого вопроса, хотя я так и не сказала сестре о своей беременности.

Но по смягчившемуся взгляду Вики и её слабой улыбке понимаю – она уже знает.

– Всё хорошо, – опять повторяет сестра. – Тебя сам Бог спас. Сотрясение, много ссадин, ушибов, но... – она с особой осторожностью укладывает свою ладонь поверх моих, – с ним всё хорошо.

Сердце на мгновение замирает, а потом снова разгоняет застывшую кровь по венам.

Я кусаю губы, на вкус уже солёные от слёз. Я и Вика несколько долгих секунд смотрим друг на друга. Вижу в родных глазах теплоту вперемешку с непониманием.

– Почему ты мне не сказала? – тихо спрашивает она.

– Не знаю, – растерянно выдыхаю, отводя взгляд. Смотрю теперь на мои и её ладони, примостившиеся у меня на животе. – Была не готова... Боялась.

– Мы же семья.

Поднимаю глаза на Вику и отчаянно киваю, но клубок моих сомнений так легко не распутывается. Одного поддерживающего взгляда сестры мало. Она пока знает не всю правду. Не знает, что отец ребёнка готов меня чуть ли не со свету сжить...

И опять резкая боль ударяет в голову. Боже, а ведь там, в крутящейся машине, я была не одна.

– Вик, а Андрей... – с какой-то парализующей оторопью произношу его имя.

Она вдруг резко отворачивается, убирает свои ладони с моего живота. И как-то дёргано принимается вытирать ими слёзы со своих щек.

– Как ты вообще оказалась в его машине ночью, когда он был в стельку пьяный?

Вопрос Вики звучит достаточно жёстко. От её реакции я съеживаюсь на больничной подушке.

– Я ведь не знала, что он приехал ко мне в таком состоянии. Вик, пойми, у нас всё сложно. Я всё расскажу тебе. Я просто вышла с ним поговорить. Хотела расстаться с ним по-хорошему, но всё пошло не так...

Замечаю, как на бледном лице сестры заостряются скулы. Вика смотрит куда-то в стену, словно зависшая в ступоре.

– Не так... – без какой-либо интонации повторяет она. – Но это всё уже не важно. Мы справимся. Что-нибудь придумаем, главное, что ты жива.

И её «ты» тяжело повисает в воздухе. От этого мелкие холодные мурашки неприятной россыпью вонзаются мне в кожу.

Я снова пытаюсь приподняться и сесть, опершись на подушку. Морщусь от ноющей боли в правой руке и в рёбрах, но всё равно сажусь. В глазах слегка двоится и плывёт.

Я закрываю их и шепчу:

– Вика, а с Андреем что?

– Лер, давай потом...

– Нет, – я повышаю голос. С глубоким вдохом открываю глаза. Уже лучше. Я вижу перед собой сестру в одном экземпляре, но слегка расплывчато, а к моему горлу подбирается тошнота. – Сейчас говори.

– Тебя спасло, что ты была пристёгнута, – сипит Вика и бледной статуей сидит у меня в ногах, уставившись глазами в стену.

А я смотрю на сестру и не моргаю.

– Он...

Вика молчит, нервно дёргая пальцами край своей длинной футболки. Её дыхание сбивается.

– Вика... – шепчу, а в груди разбухает странное чувство.

Мне кажется, я знаю её ответ, но почему-то уверена, что приму его без истерики. Моя ладонь, всё ещё прикрывающая живот, сжимается, сминая край простыни.

– Андрей жив?

Сестра наконец возвращает ко мне свой взгляд, а он стеклянный.

– Нет.

Щурясь от лучей тёплого солнца, глубоко вдыхаю свежий воздух. После двух недель, проведённых в больничной палате, он особенно непривычен. Сбежать оттуда я была готова уже через пару дней, но Вика и врачи вцепились в меня клешнями.

– А я говорю, тебе лучше полежать пока здесь. Ты беременная и попала в аварию, – твердила сестра. – Мало ли что...

И, наверное, это единственный аргумент, который смог удержать меня там.

Но теперь я оставляю свои неуверенные шаги вдоль железных оградок: низких, высоких... И стараюсь не разглядывать, что прячется за ними. Держу взгляд только на носках своих балеток. Смотреть по сторонам мне просто жутко, потому что это кладбище.

Прошло две недели, а я до сих пор не понимаю, что чувствую. Но слова сестры глубоко засели во мне. Да, я проплакала весь тот день и следующую ночь.

Во мне поселилась какая-то сжигающая пустота и страх, что Андрей мог отправить меня и ребёнка за собой. Но я и малыш живы, а он...

Я словно разошлась на два полюса. Теперь каждую секунду готова благодарить своего ангела-хранителя за сотворённое чудо. Но ведь всего этого могло бы и не случиться, не сядь я в ту проклятую машину.

Меня гложет противоречивое чувство вины. Я не должна её чувствовать, ведь никто не заставлял его садиться пьяным за руль.

Но я корю себя за то, что в ту ночь вышла к Андрею. И корю за то, что не могу найти внутри собственной пустоты ту самую истинную боль утраты.

Андрей погиб. Отец моего будущего малыша погиб. Человек, в которого я была влюблена, погиб. Я должна оплакивать. Скорбь должна стать моей спутницей. Но в моих воспоминаниях всё ещё слишком сильны тот смех, залитая алкоголем тьма в его глазах и его пощёчина...

Я не понимаю, какими должны быть мои чувства. Какой должна быть моя боль. Правильная боль. Может ли боль вообще быть правильной? Такой, как надо? Такой, как у всех?

Обнимаю себя руками, и мелкая дрожь пробегает по телу. Мне зябко, даже несмотря на то, что на улице майский полдень, всюду светит солнце и можно устраивать прогулки уже в одной футболке. Я закутываюсь в тёплый вязаный кардиган, накинутый поверх плотного чёрного платья.

Позавчера меня выписали из больницы, а сегодня я всё-таки решила прийти сюда. Куда мне ехать и идти, я узнала через друзей Никольского. В день похорон Андрея меня здесь не было. Вика не пустила меня. Сказала, что плохая примета шататься беременной по таким местам, как это.

Но я не могу и дальше продолжать отрицать то, что случилось. Андрея больше нет. И я не хочу оставлять воспоминания о нём чёрной кляксой. Лучше пусть они останутся просто этой тишиной, что сейчас висит над лабиринтом из оградок. Я должна попрощаться с Никольским.

Пuls во мне медленно, но очень ощутимо набирает скорость, когда я сворачиваю в нужный проход.

Приходится поднять взгляд выше, чем носки балеток. В горле сушит, когда вижу весь этот специфический антураж, который на фоне буйной зелени и яркого солнца всё равно выглядит гнетуще. Когда замечаю вывеску на дорожке с нужным мне сектором, то внутри всё

покрывается инеем. Никита сказал, что я найду Андрея на третьей аллее справа. И я быстро цепляюсь за неё взглядом. Сворачиваю, замедляя шаг, и моё дыхание сбивается.

Возле изящно выкованной и явно самой новой здесь железной ограды и среди уже завядших цветов я замечаю женскую фигуру, облачённую в тёмно-синее длинное платье. Она стоит ко мне спиной и пока не замечает меня.

Я понимаю, кто это, с первого взгляда, потому что вижу короткие пепельные волосы, собранные ото лба чёрной повязкой.

Никольская. Она здесь. Я замираю посреди дорожки. В мои планы не входило вновь пересекаться с этой женщиной. И подумать не могла, что мы встретимся с ней именно здесь и сейчас.

Но теперь оторопело смотрю на её спину. Желание развернуться и сбежать – первое, что посещает мои мысли.

Я делаю осторожный шаг назад, сильнее сжимая ладони на своих предплечьях.

И Никольская, видимо, чувствует моё присутствие. Она резко оборачивается, а я окончательно прорастваю ногами в землю.

Передо мной убитая горем мать. Лицо Аллы Сергеевны осунулось, волосы лоснятся от нечистоты, а губы, в прошлый раз изящно подчёркнутые помадой, стали двумя бледными линиями.

– Ты... – резко выдыхает Никольская, протыкая меня пустым взглядом.

Сглатываю сухой комок в горле и решаюсь заговорить:

– Алла Сергеевна, здравствуйте. Мне так... – выходит сипло и сдавленно.

– Какого чёрта? – грубо перебивает она. Смотрит на меня так презрительно, что я делаю ещё полшага назад.

– Я... К Андрею... Я хотела...

– Не смей! – взвизгивает Никольская на всю округу, истерично тряся головой. – Не смей даже имя его произносить!

– Алла Сергеевна...

– Да как у тебя, драной потаскухи, хватает наглости заявиться сюда? – Она плавной поступью выходит из-за оградки, направляясь в мою сторону. – Тебя здесь быть не должно. Тебя и в живых быть не должно. Почему ты не сдохла? – выплёвывает Никольская.

Этот вопрос вонзается мне в самое сердце. Её реакция на меня пугает ещё больше, чем тогда, в клинике. Что за глупая ирония судьбы? Почему нам нужно было встретиться с ней именно сегодня?

– Я... уже ухожу, – бормочу я и пячусь.

Делаю два неуверенных шага назад, не в силах отвести глаз от жуткого образа Аллы Сергеевны. Тёмное, глухое под горло платье, озлобленный взгляд расширенных глаз... Эта женщина сейчас похожа на злую ведьму из детских сказок. Только всё, что происходит со мной, – это какая-то проклятая сказка. И что я делаю в ней не так? Почему всё это происходит со мной?

Резко разворачиваюсь на пятках балеток, но меня хватают за запястье, заставляя зашипеть от неприятного рывка:

– Не смей приходить к Андрюше! Поняла, дрянь? – зловеще цедит Никольская.

Я с опаской оглядываюсь. Вокруг только кресты и могилы, а что в голове у поехавшей от потери сына матери мне и представить страшно.

– Пустите, – дёргаю изо всех сил рукой.

– Ты во всём виновата, – глаза Аллы Сергеевны горят ненавистью, а её пальцы на моем запястье сжимаются так, словно собираются переломать его.

Я не хочу оправдываться. Я не должна делать этого, но слова вылетают из меня раньше:

– Он был пьян в ту ночь... – шепчу, в упор смотря в темноту глаз женщины. Сейчас они один в один, как и у Андрея в ту ночь. – Он...

– Ты довела моего мальчика, заставила его нервничать. Ему было плохо. Ничего бы не случилось, не раздвигай ты свои ноги бездумно, тварь. Андрей не поехал бы к тебе. Но ты, сука, живая, а он в земле. Всё из-за тебя и твоей беременности. Надеюсь, ты потеряла свой приплод во время аварии? – она стреляет острым взглядом в мой ещё совсем плоский живот.

И слёзы тут же неприятно жгут мне глаза. Мне кажется, что маленькая крошка внутри меня сжалась.

Я так хочу выкрикнуть Никольской, что это её внук. Плоть и кровь сына, которого она так боготворит и любит, но язык липнет к нёбу. Я как будто тонну ирисок прожевала. Молчу и лишь тяжело дышу, играя с Никольской в напряжённые гляделки. И Алла Сергеевна расценивает моё молчание по-своему.

– Потеряла, да? – с нечеловеческой надеждой в глазах вдруг спрашивает она.

Я словно получаю отрезвляющий разряд. Ничего и никогда не изменится. Она будет меня ненавидеть. Никольская всегда будет жить за стеной только своей правды.

Выдёргиваю запястье и, развернувшись, просто бегу в сторону выхода с кладбища. И отчаянно закрываю ладонями уши, когда мне в спину камнями летит:

– Чтоб ты сдохла! Никогда тебя не прощу за Андрюшу. Слышишь? Я тебя проклиная!

Домой я врываюсь, громко хлопая дверью. Прислоняюсь к ней затылком и прячу лицо в ладонях, пока пытаюсь остановить своё нервное дыхание.

Мне всё ещё мерещится, что за моей спиной стоит Никольская. Уничтожает своим взглядом и ненавистью.

Я ведь шла туда, чтобы всё сделать правильным. Отпустить всё. Но, похоже, опять сотворила глупость...

– Лера? – Вика тут же появляется в коридоре. Видимо, услышала, как хлопнула входная дверь. – Ты чего? Тебе плохо?

– Я опять встретила с матерью Андрея, – сбивчиво шепчу себе в ладони.

– В смысле? Где ты была?

Я делаю дрожащий вдох и медленно стекаю по двери к полу. Сажусь прямо в одежде на коврик в коридоре.

– Я ходила к Андрею на... – Слова застревают в горле, а я сильнее прижимаю трясущиеся ладони к горящим щекам.

– Лерка! – вскрикивает Вика. Слышу, как она негодуя ударяет ладонью по дверце шкафчика в коридоре. – Зачем тебе это? Что ты хотела?

Провожу ладонями по лицу, неосторожно сминая его.

– Вик, – поднимаю глаза и упираюсь беспомощным взглядом в сестру, застывшую напротив меня. Вика складывает крест-накрест руки на своём стареньком поварском переднике и качает головой. – Думаешь, всё перечеркнуть и забыть можно с первой секунды? Отец моего ребёнка погиб.

– Не погиб, а откинулся, потому что мозгов не было, – она жёстко режет словами. – Да и после того, что ты мне рассказала, этот гад даже... – и замолкает. Я и в её паузе всё понимаю, но о тех, кого нет, либо хорошо, либо никак. – Что хотела его мать?

– Чтобы на его месте оказалась я, – произношу, едва шевеля языком. Обессиленно опираюсь уже всей спиной и затылком на входную дверь.

– Вот курва...

– Вика, мне страшно. Я не знаю, что делать дальше. Как будет дальше?

Сестра вздыхает. Тяжело и напряжённо, но присаживается рядом со мной прямо у двери. Обхватывает мою голову руками и прижимает к себе.

– Я не знаю как... – шепчет Вика. – Никто не знает, но давай попробуем просто жить.

Закрываю глаза, из которых по щекам уже рвутся слёзы. И вместе с ними полностью погружаюсь в вязкую пустоту внутри себя. Но прижимаю ладони к животу.

У меня нет денег. Нет родителей и опоры. За моими плечами детский дом и полное разочарование в том, что в жизни бывают чудеса. Всё, что есть у меня, – это Вика и мой ещё не родившийся ребёнок.

Каков мой выбор? Наверное, действительно... Хотя бы просто попытаться жить дальше...

Глава 8

Лера

– В маленькой кастрюльке пюре, в кувшине компотик, но много не давайте...

– Детка, не переживай. Всё у нас хорошо. Пашенька, скажи мамочке, чтобы шла и спокойно грызла гранит науки.

Слышу в трубке родной голосочек сына и его попытки что-то рассказать мне на своём тарабарском языке. Моя улыбка тянется до ушей, пока я перескакиваю ступеньки вверх по университетской лестнице.

Прошло полчаса, как я вышла из дома, и беспокойство никак не перестаёт меня догонять. Я по пальцам могу пересчитать дни, когда оставляла Пашу либо с Викой, либо с тетей Нюрой, нашей соседкой снизу. Очень милая и заботливая бабуленька лет шестидесяти. Мы познакомились с ней прямо в день переезда.

Так вышло, что почти сразу после той истории с Никольскими Вике предложили хорошую работу, но в другом городе. И моя сестра бескомпромиссно решила, что мне нужно ехать с ней. А я и не сопротивлялась. В этом месте меня больше ничего не держало. Ходить по улицам и бояться встречи с Аллой Сергеевной желания не было. Мне больше никак не хотелось соприкоснуться со всей реальностью, связанной с Андреем...

Так мы и оказались в другом городе. Снова съёмная двухкомнатная квартира, а я уже пузатая. Но мы с сестрой выстояли, сумели обойти все углы и справиться со сложностями.

Правда, Пашку я родила немного раньше срока, под самый Новый год. И теперь моему богатырю чуть больше годика. Всё это время я старалась не сидеть на шее у сестры. Приловчилась между заменами памперсов и кормлениями грудью заниматься переводами текстов с английского: то контрольные работы для заочников, то различные тесты и сочинения. Всё это тяжело... Да, без изысков, но у Пашки есть всё самое необходимое.

А из академического отпуска я вышла уже в другой университет. Правда, на заочное. Но всё, что связывало меня с тем кошмаром, я без сожаления оставила там, в том городе. И только в тёмно-карих глазах Пашки иногда вижу его отца...

– Тётя Нюр, спасибо. Что бы я без вас делала, – говорю с самой искренней благодарностью, а взглядом тем временем ищу нужный номер аудитории.

Сегодня пошла вторая неделя моей первой сессии в новом университете. И я ещё плохо ориентируюсь во всех этих лабиринтах из коридоров и корпусов.

– Занимайся, Лерочка, своими делами. Мы с Пашенькой дружим, – щебечет тётя Нюра, а мой сын вторит ей звонким смехом.

Раздав всем по ту сторону динамика по тысяче поцелуев, я наконец сбрасываю вызов, а заодно нахожу и аудиторию, указанную в расписании.

Притормаживаю у двери, убираю телефон в задний карман джинсов, поправляю высокий ворот свитера и приглаживаю хвост, чуть растрепавшийся от снятой несколько минут назад шапки. Надеюсь, преподаватель меня пустит. Я всё-таки умудрилась немного опоздать на пару.

С опаской один раз стучу в дверь, открываю её и замираю на пороге аудитории-амфитеатра. Почти вся, от нижних рядов к верхним, она заполнена болтающими студентами. Это сбивает с толку. Наша-то группа точно гораздо меньше по своему количеству.

Я уже даже собираюсь выйти за дверь и сверить её номер с тем, что в расписании, но слышу через гул голосов громкое:

– Иванова, мы здесь!

Взглядом быстро нахожу машущую мне рукой одгруппницу Наташку у стола самого нижнего ряда в углу аудитории. Её каре баклажанного цвета и розовый свитер ярким пятном сразу бросаются в глаза. Подозрительно косясь на незнакомые лица, подхожу к Наташе.

– Привет. А что это? И кто это? – кладу свою сумку на стол и оглядываюсь.

– Ай, – отмахивается она, плюхаясь на скамейку, – что-то в расписании преподавателя напутали. Сегодня эта пара будет вместе с очниками.

Удивлённо приподнимаю брови, но и рта не успеваю открыть, как чёткий стук вонзается в рой голосов.

– Ти-ши-на! – громко чеканит преподаватель. Милый старичок в серой рубашке. Он колошматит по своему столу карандашом, а потом почему-то тычет им именно в меня. – Вы! Подготовьте мне доску.

Наташа сочувствующе улыбается, а я тихо вздыхаю себе под нос. Мельтешить на виду у такого количества глаз не прельщает, но покорно топаю на кафедру к доске.

И, пока стираю влажной тряпкой меловые каракули, вдруг вспоминаю, что не сказала тёте Нюре про готовую запеканку, стоящую в духовке. Чертыхнувшись про себя, одной рукой продолжаю махать тряпкой по доске, а второй лезу в карман джинсов за телефоном.

Надеюсь, тётя Нюра прочтёт моё сообщение до того, как блюдо в духовке совсем остынет. Но удаётся лишь разблокировать экран телефона. Резкий хлопок двери в аудиторию, и я подпрыгиваю на месте от неожиданности, чуть не выронив мобильный на пол.

– Опоздал. В пробку попал, да и возле нашего университета фиг припаркуешься, – густой бас эхом расходится по помещению.

– Уже десять минут как идёт пара, – бурчит препод. – Выезжать раньше надо.

– В четыре утра встал. Честное слово.

Не знаю почему, но я прислушиваюсь к мужскому голосу у себя за спиной. И мне становится даже интересно: и кто же это сегодня встал раньше меня? Мой же сон был нарушен настойчивым желанием Пашки начать познание мира именно без пяти пять утра.

Я осторожно кидаю взгляд через плечо в сторону входа в аудиторию. И по ней снова разносится грохот, потому что от колющего удара в сердце я разжимаю ладонь, а мой телефон плашмя летит на пол. И это привлекает внимание того самого, опоздавшего на пару парня. Он поднимает на меня взгляд, а я больше не дышу. Готова задохнуться здесь и сейчас.

Мой мир только что выдернули у меня из-под ног...

Его глаза...

Когда-то я смотрела в них и влюблялась всё больше с каждой секундой. Бездонно тёмные, цвета оникса, с чёрной, густой линией ресниц. В них такая притягательная тьма, что тебя окутывает их гипноз. Глаза, которые смотрят не на тебя, а в тебя. В самую душу... В этих же глазах я когда-то увидела и ад.

Это глаза Андрея. И у этого парня его глаза. Его четко выделяющаяся линия челюсти, скулы, подчёркнутые впалыми щеками. У него его губы: выразительно-напряжённые.

Но это не Андрей. Потому что он мёртв.

А этот парень сейчас приподнимает широкие брови, смотря на меня в упор. Его явно удивляет моя реакция. И я наконец понимаю, что глазею на него как умалишённая. На меня направлен взгляд не только этих тёмно-карих глаз, но и взгляды всех присутствующих в аудитории. Даже преподавателя. Ведь я так и стою возле доски, и телефон всё ещё валяется у меня под ногами, а стук сердца молотом отдаёт мне в голову.

Я и этот совершенно незнакомый мне брюнет словно сцепились взглядами. Не могу найти в себе силы разорвать этот безмолвный контакт глазами. Жуткий холод ползёт по моей спине, но всё равно – не могу.

Передо мной словно призрак из прошлого... Просто немного другой: ниже в росте, шире в плечах, с густыми чёрными волосами, уложенными ото лба. И одет как бравый рокер: кожаная косуха, чёрная футболка и потёртые чёрные джинсы. Лишь его белоснежные кроссовки как бельмо.

И только очередной удар карандаша преподавателя по столу выводит меня из коматоза.

– Я могу начать пару?

Я дёргаюсь к доске, бросая на её подставку тряпку, и, потупив взгляд в пол, поднимаю с него свой телефон. По аудитории вспыхивают смешки, а меня кидает в пекло. Воздух в лёгких готов прожечь грудь, потому что чувствую: парень успеваешь пройтись по мне взглядом, когда я пролетаю мимо него к своему месту. И, только сев за стол, понимаю, что у меня зуб на зуб не попадает и бешено трясутся пальцы. Едва выходит достать из сумки ручку, тетрадь и лекционные пособия по предмету.

– Ваша фамилия, молодой человек?

– Доронин, – басит парень.

– За опоздание вам минус полбалла в рейтинг, – цокает препод. – Садитесь на место.

– Доронин... – зачем-то одними губами повторяю я, а в ладонях до боли стискиваю шариковую ручку. Эту фамилию слышу впервые в жизни.

– Всё нормально? – тихо спрашивает Наташа, осторожно касаясь моей дёргающейся ноги под партой.

Утвердительно киваю, а сама боковым зрением наблюдаю, как тот парень усаживается на первую парту через ряд. Препод уже что-то громко вещает на всю аудиторию, а я слышу у себя голове только свои вопросы. Разве так бывает? Но в мире же встречаются двойники? Или, может, я тихо теряю рассудок? Тогда почему у этого парня глаза Андрея? Глаза моего сына...

Всё то спокойствие, что я смогла восстановить в себе по крупинам за всё это время, сейчас дало ощутимую трещину. Кто он вообще такой?

Меня как тянет повернуть голову туда, где сидит этот Доронин. И мой порыв берёт управление над моим телом и чувствами.

Я снова заглядываю себе через плечо. Вижу, что тот парень уже снял косуху, положил её на стол и сидит вполоборота, активно общаясь с соседом по парте. А предплечья Доронина до локтей украшены цветными узорами татуировок.

И такая дурацкая, но острая мысль проносится у меня в голове. Это же точно не Андрей. У него не было ни одного рисунка на теле. Он ненавидел тату. Я даже не отдаю себе отчёт в том, что просто тараню темноволосый затылок парня взглядом. Сама не знаю, чего этим хочу добиться. А добиваюсь лишь одного. То, как я пялюсь на Доронина, замечает его собеседник. С усмешкой что-то говорит ему, и тот резко оборачивается. Я не успеваю увести взгляд хоть куда-нибудь.

Снова вижу эти глаза, а Доронин расслабленно приподнимает уголки губ. Он улыбается мне. И через меня словно пропускают все двести двадцать. В эту секунду этот парень в татуировках становится похож на Андрея почти под копирку.

Знакомое ощущение покалывания касается кончиков моих пальцев и губ, а сердце выбивает хаотичную барабанную дробь. Кислород в лёгких становится тяжелее свинца. Я рывком хватаю сумку и вскакиваю с места, задевая свои вещи, лежащие на столе. Они летят на пол: тетрадь в одну сторону, ручки в другую; но мне плевать.

Его глаза... Господи, я же точно схожу с ума! Я вылетаю из аудитории под Наташкин перепуганный возглас:

– Иванова, куда ты?

Куда-нибудь туда, куда несут мои дрожащие ноги. И приносят они меня в конец коридора к огромному окну. Я бросаю сумку на подоконник и опираюсь на него руками. Сжимаю его край так, что он врежется мне в пальцы. Меня колотит. Не хватает воздуха. И глубокие вдохи и выдохи не дают мне успокоиться.

– Это какой-то бред, – шепчу я, мотая головой.

Ловлю ртом воздух, но тщетно. Его как будто возле меня нет. В панике хватаюсь за ручку пластикового окна. Хочу распахнуть его настежь. Мне нужно глотнуть холода, но ручку заедает. Я остервенело дёргаю её, пока не слышу у себя за спиной:

– Давай помогу.

И я каменею. Потому что справа от меня перед моими глазами появляется жилистая мужская рука с цветными татуировками. И уже через секунду в мои лёгкие врывается морозный воздух из окна. Один вдох, и я снова в реальности. Я оборачиваюсь, уже понимая, кого увижу перед собой. И не ошибаюсь. Доронин, склонив голову, внимательно обводит меня взглядом:

– С тобой всё в порядке?

Я молчу как рыба и просто смотрю на парня, стоящего всего в метре перед моим носом. Смотрю только на его лицо, взглядом скользя от одной черты к другой... Глаза, нос, губы... И вблизи ничего не меняется. Я вижу неоспоримо пугающее сходство с Андреем.

Но у этого парня более чётко пробивается щетина на подбородке. И по лицу рассыпано множество мелких родинок разных оттенков шоколада, а смоляная шевелюра, уложенная ото лба назад, слегка взлохмачена.

Никольский не имел таких ярко выраженных отметок на лице и всегда был идеально причёсан. Я зачем-то повторяю про себя, что это не Андрей... Глупо? Да. Но сердце моё колотится так, что мне нужно чем-то его успокоить.

– Ау, ты говорить умеешь? Или немая? – Густые брови, тенью нависающие над тёмно-кариыми глазами Доронина, сходятся у переносицы в одну линию.

Помолчав ещё секунду, я всё-таки выдавливаю из себя сиплое:

– Нет.

– Значит, говорить умеешь. Так с тобой всё нормально? Твой цвет лица идеальнее побелки, – Доронин продолжает хмуриться.

Я делаю ещё один осторожный вдох морозного воздуха, просачивающегося из приоткрытого окна за моей спиной. Он слегка приводит в чувство, когда отрезвляющим холодом добивается до лёгких. И у меня получается говорить внятно:

– Душно просто в аудитории.

– Ясно... – сухо тянет Доронин.

И между нами встречается тишина. Мы безмолвно стоим друг напротив друга. Он держится взглядом за меня, а я за него. Мне нужно отвести глаза в сторону, но такое дикое сходство с погибшим Никольским просто затормаживает. Вызывает неадекватное желание рассматривать лицо человека, которого я вижу впервые в жизни. Достаяю из памяти смазанный и перечёркнутый временем образ Андрея...

И чем больше я пялюсь на Доронина, тем сильнее покрываюсь мурашками, а в его тёмных глазах проскальзывает откровенное недоумение.

И он первым прерывает эту неприятную тишину. Шумно вздохнув, Доронин засовывает ладони в карманы джинсов:

– Пойди сходи к медсестре, а? Ты бледнеешь с каждой секундой, – осторожно заявляет он.

– Я не знаю, где она... – бормочу отстранённо и продолжаю ловить взглядом мимику и эмоции на чужом лице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.